

С. В. ВЛАСОВ, Д. Г. ДЕМИДОВ

**ЧТО МОГУТ СКАЗАТЬ
СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТЫ О ВРЕМЕНИ
СОЗДАНИЯ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»?
(Критические заметки по поводу книги
А. А. Зализняка «Слово о полку Игореве»:
взгляд лингвиста)»**

Авторы статьи критикуют концепцию А. А. Зализняка относительно датировки и авторства «Слова о полку Игореве». Методы датировки недатированных рукописей, использованные А. А. Зализняком, по их мнению, нельзя признать релевантными. Авторы настаивают, что необходимы также качественный функционально-семантический анализ, семантическая (а не только формальная) классификация примеров, иллюстрирующих воплощение скрытых «глубинных сущностей» в текстах. Разбираются вопросы постановки энклитики *ся*, а также видообразования и мнимых имперфектов совершенного вида в тексте «Слова». Авторы анализируют выводы сторонников позднего происхождения «Слова о полку Игореве» и приходят к выводу, что признать «ошибочными», вслед за А. А. Зализняком, все аргументы этих ученых никак невозможно. Эти аргументы необходимо дорабатывать, но сама эта доработка не способствует их безусловному и безоговорочному опровержению.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», оригинал, копии, реконструкция, методы датировки недатированных рукописей, автор текста, аномалии, функционально-семантический анализ, позиция энклитики *ся*, глагольные виды, А. Зализняк, Р. Айцетмюллер, М. Мозер, К. Трост, М. Хендлер.

**ЧАСТЬ I. О МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКЕ ДАТИРОВКИ
НЕДАТИРОВАННЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ**

Вышедшая в свет третьим изданием в 2008 г. книга акад. А. А. Зализняка «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста» [Зализняк-1]¹ оживляет интерес к замечательному памятнику русской литературы и признает вопрос

¹ Заметим, что само название издательства уже предполагает существование древней рукописи «Слова о полку Игореве», внушая читателю мысль о достоверности гипотезы древнего, а не позднего происхождения текста «Слова».

о времени происхождения текста «Слова о полку Игореве»¹ открытым. В отличие от книги А. А. Зализняка, многие работы о «Слове» исходят из неверной посылки, будто время создания памятника уже известно². Ценные частные наблюдения в области грамматики, лексики, стилистики, поэтики произвольно объявляются уникальными для нашего средневековья, известными только в XII в. и только в «Слове» и неизвестными в более поздних памятниках письменности. Казалось бы, «взгляд лингвиста» побуждает читателя не просто бездумно согласиться с положением, согласно которому произведение появилось в конце XII в., а продолжить движение к полному и исчерпывающему исследованию «Слова», в результате которого стали бы ясными и критически оцененными также и **все возможные** аргументы в пользу составления памятника как **цельного** произведения в конце XVIII в. Однако, вопреки ожиданиям, автор подчеркивает: «Эта книга — не описание языка СПИ как таковое. Ее единственная задача состоит в том, чтобы изучить проблему подлинности или поддельности СПИ» [Зализняк, 2008, с. 5–6]. Нам не очень понятно, как можно изучать проблему подлинности или поддельности «Слова» без всестороннего обследования языка памятника, а тем более на основе сугубо статистического описания языка памятника по заданным, т. е. фактически заранее отобраным в пользу определенной версии, формальным параметрам.

Именно из-за отбора только формальных показателей древности для решения вопроса о подлинности «Слова» сборник статей А. А. Зализняка производит противоречивое впечатление. С одной стороны, декларируется намерение «рассматривать любые факты сразу с двух противоположных точек зрения», отказавшись «от любых интуитивных и эмоциональных оценок и от риторического напора» [Зализняк-1, с. 30]. С другой стороны, автор использует порой тот самый нежелательный «риторический напор», против которого предостерегал вначале, подчеркивая, исходя исключительно из формальных параметров, малую степень вероятности противоположной точки зрения о написании «Слова» в конце XVIII века и представляя свои выводы о происхождении СоПИ, не учитывающие план содержания и функциональную значимость языковых единиц текста, очевидными доказательствами написания «Слова» в XII веке.

В отличие от исследования М. Н. Петерсона [Петерсон, 1937], дававшего при изучении синтаксиса «Слова» временную перспективу развития русского языка вплоть до XX в., в работе А. А. Зализняка при рассмотрении версии создания «Слова» в XVIII в. не приводится никаких данных об употреблении архаических и новых языковых форм даже в самом русском языке XVIII века. В результате критика версии создания «Слова» в XVIII в. сводится к общим декларативным утверждениям, что Аноним не мог обладать соответствующими лингвистическими знаниями, чтобы написать древнерусский текст «Слова». К этим утверждениям присоединяются рассуждения о психологии

¹ В дальнейшем — «Слово» или «СоПИ», в цитатах из книги А. А. Зализняка сохраняется вариант «СПИ».

² См., например, из последних работ, предисловие к книге [Олядыкова, Бурыкин, 2012], в котором сказано: «Следует здесь, видимо, прямо и откровенно сказать о том, что как для самого Н. А. Мещерского, так и для его учеников вопрос о подлинности «Слова о полку Игореве» не обсуждается и не существует» [Там же, с. 4].

гения, который непременно должен был бы поведать миру о своих достижениях и открытиях, о которых он почему-то умолчал. Не будем обсуждать, вслед за автором книги, предположения о причинах молчания Анонима¹ или о способностях к лингвистическому анализу образованных русских людей XVIII в., отметим только, что для серьезной научной критики этих общих деклараций явно недостаточно.

Для удобства обоснования версии написания текста на древнерусском языке в XII в., в первой статье сборника высказывается предположение, что сам текст памятника, датируемого его первыми публикаторами исходом XII в., был переписан в XV–XVI вв. и содержит в себе немало черт языка не XII, а XV–XVI вв. Здесь уже выстраивается два уровня предположений, значительно усложняющих аргументацию автора. При этом к признакам языка XV–XVI вв. относятся не только специфические особенности именно того периода, но и другие языковые явления, свойственные также последующим векам развития русского литературного языка вплоть до конца XVIII века, особенно если учитывать высокую культуру владения церковно-славянским языком в то время.

В результате доказательная база, несмотря на наличие разного рода математических подсчетов и выкладок, трудно соотносимых с конкретными фактами² по-разному оцениваемой древнерусской грамматики (это лишает читателя возможности проверки приводимых цифр), теряет необходимую научную строгость и убедительность, поскольку всегда можно имеющиеся в тексте ошибки (а их немало) приписать не древнему автору, а предполагаемым переписчикам позднейшего времени. Не экономнее ли было бы предположить, что «Слово» является написанным «старыми словесы» литературным памятником или XV в. [Евгений, 1839, с. 18; Бобров-1], или XVI в. [Виноградов, 1964], вместо того чтобы заниматься реконструкцией правильных форм никому неведомого оригинала XII века? Оказывается, нет: «Для более раннего времени (XV–XVII вв.) фигура фальсификатора³ и в самом деле выглядит очень неправдоподобно» [Зализняк-1, с. 11]. Значит, все-таки, как это ни парадоксально, фигура фальсификатора (стилизатора) в XVIII в. и в самом

¹ Таких причин могло быть немало — преждевременная кончина поэта-эрудита еще до публикации его архаизированного шедевра, клятва, законы чести — да мало ли может быть причин, о которых мы даже не догадываемся? Наиболее вероятная причина молчания состоит в том, что над текстом «Слова» работал не один, а несколько человек. В то время не было еще разделения на «автора идеи», «сценариста», «редактора» и т. п. Смеем предположить, что, в современных терминах, «автором идеи» была сама Екатерина Великая (см. ниже).

² На этот недостаток математических подсчетов, не подкрепленных исследуемым материалом, обратил внимание еще Ж. Брейар в своей рецензии на книгу А. А. Зализняка: “On notera qu’aussi bien K. Trost que A. Z. se contentent paresseusement de brandir des pourcentages sans les rapporter aux effectifs observés, ce qui leur ôte toute signification. Voilà une vérité première que devraient méditer tous les linguistes amateurs de statistiques” («Заметим, что как К. Трост, так и А. З. [=Зализняк] лениво довольствуются размахиванием процентами, не связывая их с исследуемыми фактами, что лишает эти проценты всякого значения. Вот основополагающая истина, над которой следовало бы задуматься лингвистам, любителям всякого рода статистик»). [Breillard, 2006, p. 291].

³ Одно и то же предполагаемое лицо называется в книге Анонимом, фальсификатором, стилизатором, мистификатором.

деле выглядит более правдоподобно, чем в XV–XVI вв., времени предполагаемого создания утраченной рукописи «Слова»? И понятно почему: помимо отсутствия мотивов написания такой стилизации под старину, в случае создания текста в XV–XVI вв. пропадает возможность списать гетерогенность многочисленных языковых параметров текста и многочисленные ошибки в нем на переписчиков гипотетических списков разного времени и из разных мест, и тем самым сразу может выявиться «подделка» (или стилизация) под старину еще более позднего времени¹.

По мнению А. А. Зализняка, «капитальный факт, не оспариваемый никем, состоит в том, что язык СПИ намного архаичнее языка Задонщины» [Зализняк-1, с. 8–9]. Следует, однако, заметить, что это не совсем так. Есть всё же такие авторы, которые оспаривают этот «капитальный факт». Его оспаривал, делая некоторые частные ошибки, проф. А. А. Зимин, оспаривают митр. Евгений Болховитинов, акад. И. И. Давыдов, проф. К. Трост, проф. М. Хендлер и многие другие. Да и в саму обсуждаемую книгу закралось противоречие, состоящее в том, что, по признанию автора, «в рамках версии первичности СПИ мы не касаемся вопроса о том, к какому времени внутри хронологического интервала между походом 1185 г. и созданием Задонщины его предпочтительно относить» [Зализняк-1, с. 10]. Выходит, что и сам автор не вполне убежден в своих доказательствах датировки памятника XII в., если версия подлинности «Слова» не очень страдает оттого, действительно ли в XII в. или XV–XVI вв. написан текст памятника, хотя далее автор и занимает более четкую позицию.

Как полагает А. А. Зализняк, «если СПИ создано позднее Задонщины, то автор писал не на языке своего времени, а имитировал древний язык» [Зализняк-1, с. 9]. Тезис об имитации древнерусского языка в XVIII в., не говоря уже о церковно-славянском языке, которым владели (а не только «имитировали» его!) многие просвещенные русские люди, не совсем точен: на древнерусском языке писал еще свою первую редакцию «Истории российской» В. Н. Татищев [Татищев, 1962–1968]. Татищев предпочитает сохранять не только лексические, но и грамматические историзмы, то есть практически создает новую летопись.

Это был ОБЩИЙ язык, который сам не требовал перевода с точки зрения многих образованных носителей русского языка². Без перевода в XVIII в. был издан целый ряд произведений на древнерусском языке. Культуру «перевода» с древнерусского на современный русский, т. е. лингвистический раскол в сознании, стали насаждать карамзинисты, представители «нового слога». Заметим, что лексикографическая практика Словаря Академии Российской и Словаря 1847 г., изданного II-м Отд. Академии наук, была панхронической: церковнославянские и древнерусские слова объединялись с современными русскими.

Особого рассмотрения требует методологическая база книги. По всей видимости, в соответствии с принципами формальной школы за пределами

¹ Особо отметим, что версию поддельности «Слова» мы категорически отклоняем, а версию имитации (стилизации) трактуем как научно-художественную реконструкцию.

² Среди них самые яркие представители — шишковисты.

внимания лингвистики оказываются не только вопросы исторической стилистики, но и вопросы семантики лексических и морфологических единиц. По сути, в книге отрицается системный характер лексики [Зализняк-1, с. 33], хотя в отдельных случаях признается системный характер словообразования, правда, без различения действительно существовавших в других памятниках и отсутствовавших в них слов, например слова *русичи* [Зализняк-1, с. 212–217]¹.

Из четырех выделяемых В. К. Журавлевым подходов к языку (синхрония, диахрония, полихрония, панхрония), в книге выбирается полихронический подход, предполагающий сопоставление нескольких синхронных состояний языка². Границы применимости такого подхода показаны в трудах Е. Косериу, Л. Вайсгербера, В. В. Колесова. Методическое преимущество полихронии состоит в том, что к любому синхронному срезу можно полностью применить все методы и методики синхронного описания. Методологический недостаток полихронии в том, что отсутствует какое бы то ни было представление о движущих силах и направлении развития языка, об относительной структурно-исторической ценности словоформы, слова, парадигмы, категории. Объяснительная сила такого подхода не выше, чем подхода синхронического; признак причинности, по Журавлеву, вообще не учитывается. Полихрония была характерна для ранних этапов сравнительно-исторического языкознания, когда сравнивались индоевропейский, балто-славянский, славянский «синхронные срезы». Полихронический подход, последовательно и строго проведенный в книге, действительно, дает предположительный ответ на вопрос о времени происхождения СоПИ в пользу того же времени (синхронного среза), с которым совпадает большинство схем, по которым образованы формы слов, то есть в пользу XII века. Но та же книга, предполагая и другие подходы, оставляет окончательное решение вопроса о времени сочинения «Слова» принципиально открытым.

Из всех рассуждений А. А. Зализняка следует один очень важный урок: если исследовать текст, пренебрегая его поэтикой, ритмикой, семантикой и прочими «нелингвистическими» или просто несистемными характеристиками, то, в конце концов, при своеобразно понятой лингвистике, можно прийти к заключению, что это текст, возникший в XII веке. Но при этом всегда нужно быть готовым к опровержению этого заключения под давлением

¹ «Гипотеза» отсутствия слова *русичь* в древнерусском языке не является гипотезой. Это, при сегодняшнем состоянии русской исторической лексикологии, научный факт. Факт произвольно называется гипотезой, да еще и слабой. Приходится рассматривать такой прием не иначе как эристическую уловку. Эффект от нее только внешний. По существу дела этот серьезный лексический аргумент остался непровергнутым. Б. Унбегаун мотивированно отклоняет реконструкцию **русичи* — *руситинь* (где -ич- из *it-j) по модели *кривичи* — *кривитинь*, *костромичи* — *костромитинь*. Собирательный этноним *русь* был достаточен, и необходимости в производстве другого собирательного Pl. t. **русичи* не возникало. Переосмысление этнонимов на -ичи как мн. ч. от конкретных началось не ранее XVII в. Характерно заключение заметки: «Je suis le premier à regretter de n'apporter, à défaut d'une explication, que l'indication d'une difficulté nouvelle. Mais tel est ce texte: plus on le serre de près, plus il apparaît obscur» («Я первым сожалею, что, за неимением объяснения, только указываю на новую трудность. Но таков этот текст: чем более пристально его рассматриваешь, тем более темным он выглядит») [Unbegaun, 1938, с. 80].

² См. [Журавлев, с. 17].

более полного языковедческого исследования текста и аргументов других филологических дисциплин. И такую возможность автор книги полностью не исключает. Это принципиально отличает обсуждаемую книгу от сборника 1962 г. «Слово о полку Игореве» — памятник XII века.

Корректная методика анализа ошибок (и, шире, разного рода аномалий) в реконструируемом древнем тексте XII в. в случае, когда неизвестно время создания рукописи, написанной, предположительно, то ли 1) в конце XVIII в. (время обнаружения и публикации памятника), то ли 2) в XII в. и переписанной в XV–XVI вв., подразумевает не просто поиск в тексте черт языка XII в. (а тем более их реконструкцию путем исправления ошибок!), а доказательство того, что выделяемые в тексте черты языка XII в. не только действительно соответствуют обычному (а не аномальному) их употреблению в соответствующих текстах XII в.¹, но еще и доказательство того, что эти черты никак не могли быть изменены (подновлены) при переписке текста в XV–XVI вв. Иначе все, что невозможно отнести к XII в., легко объясняется ошибками гипотетических переписчиков позднейшего времени, вплоть до конца XVIII в. (см. выше). Ведь под ошибками переписчиков могут скрываться и ошибки Анонима. Другими словами, для решения вопроса о позднем или древнем происхождении «Слова» релевантны лишь наличие или отсутствие тех языковых аномалий, которые невозможно приписать поздним переписчикам и которые могут принадлежать только автору текста. Если в языке предполагаемого автора имеются языковые аномалии (или просто ошибки), идущие вразрез с языковыми нормами древнерусских текстов как XII в., так и XV–XVI вв., а тем более, если имеется скопление разного рода аномалий в пределах небольшого текста, то весьма вероятно предположить, что это особенности языка автора XVIII века, не до конца справившегося с задачей реконструкции древнего текста (а не просто древнего языка!).

При строгом анализе разного рода аномалий в тексте не должны также учитываться как аргументы в пользу древнего происхождения «Слова» предположения о тех языковых явлениях и фактах (о разного рода гапаксах и неологизмах), которые могли быть, а могли и не быть в языке XII в., если эти языковые факты не подтверждены документально в рукописях, достоверно датированных XII веком. Даже если какое-то слово или грамматическая форма и встречаются в других текстах, но при этом являются чрезвычайно редкими для XII в. или, наоборот, характерными для более позднего времени, подобные слова и формы свидетельствуют скорее об аномальности их употребления в архаизированном языке СоПИ и вовсе необязательно связаны с древностью самого текста.

Для достоверности анализа языкового материала недостаточно привести только количественные данные, иллюстрирующие процентное соотношение тех или иных формально-грамматических явлений в древних текстах. Требуется также произвести качественный функциональный и семантический анализ, дать семантическую (а не только формальную) классификацию примеров, иллюстрирующих воплощение скрытых «глубинных сущностей» в текстах. Как признает сам А. А. Зализняк (правда, только по поводу статистических данных, приводимых его оппонентами), «неграмотно построенная статистика

¹ Обычно стилизаторы и мистификаторы обращают внимание в первую очередь на языковые аномалии как более легкие для воспроизведения.

не доказывает ровно ничего; ее единственная польза — впечатление научной солидности, которое она производит на поверхностного читателя» [Зализняк-1, с. 316]. Количественные совпадения показывают лишь возможность совпадения эпохи, но не обязательность подобного совпадения.

Поясним нашу мысль двумя небольшими, но весьма характерными контекстами из «Слова», аномальные лексические особенности¹ которых нельзя объяснить ошибками переписчика.

Необычное выражение *Даж(д)ьбожий (Дажьбожь) внук* для обозначения то ли одного из русских князей², то ли всего русского народа³ и сопоставимое с ним другое выражение из «Слова» *Велесов внук* для обозначения *песнотворца* Бояна совершенно экзотичны для русского языка старшей поры⁴, но они вполне вписываются в контекст риторических перифраз XVIII в., вроде *внук (сын) Аполлона*⁵ или *Дельфійска Бога внукъ* для обозначения поэта, или *Солнцев сын* для обозначения турецкого султана в одах В. П. Петрова, «карманного стихотворца» Екатерины II и протее Г. А. Потемкина, подарившего своему другу дом в Москве. Так, в «Письме» В. П. Петрова к Екатерине II 1786 г. читаем такие выразительные строки: «Смиренью учать свѣтъ бодливые козлы; // *Слухобаянники*⁶, въ прекрасномъ тѣлѣ бѣси, // Умонеистовцы, презрѣнной полны спѣси!» [...] «О ты Сивилль родня, *Дельфійска Бога внукъ*, // Надутый мерзостнымъ киченіемъ паукъ!» [Петров, 1811, ч. 3, с. 154]. В этих строках стихотворного послания В. П. Петрова видна переключка с Бояном, Велесовым внуком «Слова о полку Игореве». Ср. пассаж о турках в оде В. П. Петрова «На взятие Хотина 1769 года»: «Смѣшившись съ кровью понть густѣть // И вержетъ на брега Срацынь: // Стамбуль отъ страха цѣпенѣть, // Ярится въ злобѣ *Солнцевъ сынъ*» [Петров, 1811, ч. I, с. 42]. Помимо известного контекста, в котором перечисляются наименования идолов, собранных князем Владимиром, ср. также этот пассаж из оды В. Петрова с описанием пантеона египетских богов в Ипатьевской летописи, которое было заимствовано из Хроники Малалы: «Сего ради прозваша и Сварогомъ . и блжіша и Егуптане . и по семь црѣтвова Е снѣ его именовъ Слнѣ егоже наричють . *Дажьбѣ* семь тысащъ и ѹи семьдесятъ днѣи іако быти лѣтома . двемадесатьмати по лунѣ видаху бо Егуптане . инии чисти шви по лунѣ чтаху . а друзии А . днѣми лѣт чтаху . двою бо на десять мѣцю число потомъ оувѣдаша . ѿнележе . начаша

¹ Некоторые примеры на грамматическую семантику мы рассмотрим по ходу дальнейшего обзора обсуждаемой книги.

² «Въстала обида въ силахъ *Дажьбожа внука*. Вступилъ дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синѣм море у Дону плещучи, убуди жирня времена») (с. 260 — здесь и далее текст архетипного вида первого издания 1800 г. «Слова о полку Игореве» цитируется по книге: [Дмитриев, 1960, с. 257–266]).

³ «Тогда при Ользѣ Гориславовичи сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь *Дажь-Божа внука*, въ Княжихъ крамолахъ вѣци чловѣкомъ скратишась» [Дмитриев, с. 260].

⁴ См. обзор различных предположений сторонников древности «Слова» о значении данных перифраз (заметим, предположений, не подкрепленных соответствующими примерами из древнерусской литературы) в статьях Л. В. Соколовой «Велес» и «Дажьбог (Дажьбог)» в «Энциклопедии «Слова о полку Игореве» [Энциклопедия, т. 1, с. 185–187; т. 2, с. 79–82].

⁵ Ср. [Mazon, с. 184].

⁶ Здесь и далее в иллюстративных цитатах курсив наш — С. В., Д. Д.

члѣвци дань давати црѣмъ Слнце црѣ снѣ Свароговъ . еже есть Дажьбѣ бѣ бо мужь силенъ»¹ (Ип. л., л. 104об.).

Не все комментаторы полагали, что в «Слове» под «Дажьбожим внуком» имеется в виду русский народ, как считает большинство исследователей, исходящих из сопоставления соответствующего места «Слова» с припиской к Псковскому Апостолу 1307 г. ; согласно примечаниям к современному русскому «переложению» «Слова» в бумагах Екатерины II, под «Дажьбожим внуком» имеются в виду половцы: «Дажбогъ былъ Кумирь Княземъ Владиміромъ въ Кіевѣ съ прочими Идолами поставленный. Но почему сочинитель Половцовъ именуеть внуками Дажбожевыми, точно сказать сего не можно» [Дмитриев, 1960, с. 331].

Другой контекст², в котором упоминается Даждь-Божь (а не Дажьбожь, как в первом примере) внук, как будто бы позволяет идентифицировать этого весьма странного персонажа с русским народом. К. Ф. Калайдович увидел подтверждение подлинности «Слова» в обнаруженной им приписке к Псковскому Апостолу 1307 г., цитирующей с соответствующими изменениями, как он полагал, текст «Слова»: «При сихъ князѣхъ сѣяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, въ князѣхъ которы и вѣци скоротишася человѣкомъ»³.

В этом отношении показательна странная реакция А. И. Мусин-Пушкина на находку К. Ф. Калайдовича: «... о надписѣ [так!], найденной вами в Апостоѣ, замѣчаніе ваше нахожу весьма справедливымъ. Предлагаемое вами свидѣтельство о подлинности Игоревой пѣсни, почитаю излишнимъ. Прошу оное оставить. На вопросы ваши здѣлалъ я отвѣты, щитая оныя отъ васъ здѣланными изъ единого любопытства, а потому прошу оставить отвѣты между нами [...]» [Мусин-Пушкин, 1814, ф. 588, №278, л. 5 об.]. Казалось бы, граф Мусин-Пушкин должен был приветствовать находку молодого ученого, но граф просит Калайдовича никому не говорить о находке, как и о других своих ответах на заданные ему вопросы, словно опасаясь разоблачения в подделке древнего памятника и приглашая Калайдовича хранить ответы в тайне, т. е. стараясь привлечь ученого на свою сторону, — типично «масонский» (сектантский) прием рекрутирования единомышленников.

Амбивалентность и неясность номинации русского народа *Дажьбожими внуками* находит соответствия в пиндарическом стиле од В. П. Петрова с его любовью к темным местам, по-восточному изощренным образам, а также к редким словам и выражениям и совершенно не соответствует стилю «Слов» в древнерусской литературе⁴.

¹ «Поэтому называли его Сварогом, и ублажали его египтяне. И потом царствовал 5-й сын его по имени Солнце, которого называют Дажьбогом. Семь тысяч и 400 и семьдесят дней, исходя из того, что египтяне исчисляли года по двенадцать лун, другие же считали (года) по луне, а третьи считали по первым дням лет, а потом установили число месяцев двенадцать. С того времени начали люди дань давать царям. Солнце-царь — сын Сварогов, то есть Дажьбог, потому что был он мужем сильным».

² См. выше примеч. 11.

³ Цит. по [Якубинский, 1953, с. 323]. Там же показано, что «текст записи [в Псковском Апостоле 1307 г. — С. В., Д. Д.] дает несколько более архаичные формы, чем текст «Слова».

[Там же, с. 324].

⁴ Подробнее о параллелях между военными образами в «Слове» и в поэзии В. П. Петрова см. в статье: [Власов, 2014].

Не случайно еще французский славист Л. Леже сделал в своей «Славянской мифологии» следующее примечание, отсутствующее в русском переводе этой книги: «Даждьбог фигурирует также в "Песни о полку Игореве", в которой русский народ называется Даждьбожим внуком. Подобное обозначение мне кажется невозможным под пером христианина. Этот эпитет мне кажется страшным аргументом против подлинности, если не всего этого сочинения, то по крайней мере некоторых его фрагментов» (перевод наш. — С. В. и Д. Д.)¹.

ЧАСТЬ 2. ОБ ОСНОВНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРИМЕТАХ СТАРИНЫ И НОВИЗНЫ В «СЛОВЕ».

За пределами работы А. А. Зализняка, за исключением статистического анализа бессоюзия, которое порождает «иллюзорное» «ощущение того, что перед нами текст поразительно современного звучания» [Зализняк-1, с. 119, 191], оказываются также и вопросы структурно-семантической организации сложного синтаксического целого. Характерно признание, что бессоюзие в «Слове» делает из него не меньшего синтаксического «монстра», чем список «Задонщины» краткой редакции [Зализняк-1, с. 203–204]. В результате основные доказательства датировки XII веком грамматической системы «Слова» сводятся к двум важнейшим, по А. А. Зализняку, пунктам — правильному употреблению двойственного числа и правильному местоположению энклитики *ся* в соответствии с законом Ваккернагеля. То, что предполагаемый «сочинитель» «Слова» в XVIII в. мог самостоятельно подметить особенности употребления данных грамматических форм в доступных ему древнерусских рукописях, представляется в книге маловероятным, хотя и, строго математически, возможным.

Глагольные формы 1-го лица двойственного числа на -вѣ [Зализняк-1, с. 41 и далее] как возможный вариант предусмотрены М. Смотрицким [Грамматики, с. 352 и др.]. Правда, они приписываются Смотрицким только ж. роду, но из Ипатьевской летописи и других древних памятников, имевшихся в древлехранилищах XVIII в., они известны для всех родов. В качестве доказательной базы двойственного числа среднего рода имен сущ. на -а привлекаются только берестяные грамоты. Но в жанровом отношении вряд ли их можно назвать образцами для высокохудожественного «Слова».

2. 1. К вопросу об энклитике *ся* в «Слове»

В вопросе об энклитиках показано, что они подчиняются закону Ваккернагеля, однако не доказано, что энклитики XVIII века этому панхроническому общеиндоевропейскому закону не подчиняются; предполагается, что он выполняется в позднейшее время хуже. Относительно *еси* закон Ваккернагеля в «Задонщине» соблюден полностью, в СоПИ — нет [Зализняк-1, с. 53]. Единственный вывод, который может из этого последовать: СоПИ составлено позже «Задонщины». Но опять на помощь приходит мнимый переписчик, который будто бы вставил лишнее местоимение *ты*.

¹ «Dažbogŭ figure aussi dans le *Dit de la bataille d'Igor* où le peuple russe est appelé le petit fils de Dažbogŭ. Une pareille dénomination me paraît impossible sous la plume d'un chrétien. Cette épithète me paraît un argument terrible contre l'authenticité, sinon du morceau tout entier, au moins de certains passages» [Léger, 1901, с. 121].

Констатация различия *Оуже ся есмы изнемогль* в Ип. л. и *уже снесе-ся хула на хвалу, уже врѣжесе Дивь на землю* в СоПИ [Зализняк-1, с. 63], действительно, вносит затруднения в версию «до Задонщины», но А. А. Зализняк, к сожалению, отказывается разбирать противоположный аргумент, вопреки обещанию разбирать по поводу каждого примера обе версии. Вместо версии «после Задонщины» произвольно вводится ничем не обоснованное ограничение: «Слово *уже*, по-видимому, подчеркнуто, будучи по смыслу равносильно целому предложению» [Зализняк-1, с. 63]. *У + же* — это две частицы, они могли бы в неподчеркнутой позиции составить энклитику, как это происходит в современном просторечии, и сама по себе ударная позиция *уже* показывает подчеркнутость. Затрагивается прагматический вопрос намерений говорящего, который в современной лингвистике все-таки входит в «проверяемую сферу», поэтому, будучи анафорическим повтором, слово *уже* никак не может составлять эквивалент отдельного предложения. Ср. в совр. просторечии с угрозой: *ужо тебе!* или *неужто? неужели?* с обязательным добавлением *тебе* или *не... ..то (ли)*. Закон Ваккернагеля не выполняется не только в приведенном выше парном контексте, но и в самой Ипатьевской летописи, ср.: «и поиде Стѣславъ на Грѣкы . и изидоша противу Руси . видѣвъ же Русь и оубояшася здѣ . множества вои . и речѣ Стѣславъ . оуже намъ нѣкамо сѧ дѣти . и волею и неволею стати противу . да не посраим земли Рускисе . но лаземы костью ту . и мртѣвы бо сорома не имаеть» (Ип. л., лл. 27об.-28).

Архаическое дистантное препозитивное расположение *ся* встречается только в первой половине «Слова», — последний раз в 120 звене из 218-ти (по А. А. Зализняку): *на ниче ся години обратиша*. После этого — единственный раз в 187-м звене как повтор при постпозитивном *ся*: *Вежи ся Половецкѣи подвижашася*. Если предположить, что СоПИ составлял не один, а несколько авторов (авторских групп), то сразу станет видно, что по признаку расстановки *ся* первая группа учитывала архаическую препозицию, вторая — нет.

Робкая попытка вставки препозитивного *ся* по типу переходных к постпозитивному *-ся* плеоназмов обязательно должна рассматриваться вместе с тройкой **подвигошася, *подвижашася, подвижашася* (без палатализации, с 1-й палатализацией, как *держати*, и 3-й палатализацией) и с учетом семантики. По Срезневскому, только реальная древнерусская форма *подвижашася* обладает значением физического действия (перемещения), но не она употреблена в СоПИ. Древнерусский глагол *подвижашася* известен в разных переносных образных и символических значениях: ‘стремиться’, ‘домогаться’, ‘добиваться, прилагать усилия’, ‘трудиться, подвизаться’, ‘стараться’, ‘заботиться’, ‘возбуждаться’, — которые отмечает И. И. Срезневский, но не в прямом физическом значении. Следовательно, *подвижашася* — красивая, архаическая, но в данном употреблении искусственная форма, невозможная в древнерусском в прямом физическом значении, поскольку является фонетическим и семантическим славянизмом. Подобные гиперкорректные древнерусизмы разбросаны по всему тексту «Слова», например, с церковнославянским сочетанием *жд*: *между, прихождаху, вижду*. Здесь эрудиции Анониму не хватило: желая усилить древнерусизмы, он впал в гиперславянизмы, то есть образовывал, по В. В. Виноградову, литературнографизмы, опираясь на богатый опыт предшественников.

Большой заслугой А. А. Зализняка является открытие постпозиции *-ся*

при глаголе как церковнославянизма в русском языке, тщательно описанное в его специальной монографии о частицах [Зализняк-2]. В ней точно охарактеризованы позиционные закономерности древних русских оригинальных и переводных текстов. Но общие закономерности не решают вопроса характера употребления частицы *ся* в СоПИ.

По частотности препозиции *ся* СоПИ попадает в один разряд с Киевской частью Ипатьевской летописи и с Русской правдой, опубликованной незадолго до СоПИ [Зализняк-1, с. 68]. Ясно, что не имеет смысла рассматривать препозитивное *ся* без *ся* постпозитивного, уже слитного с глаголом. Выпишем все такие глаголы из «Слова»: *растѣкашеться, наплѣнвися, сѣяшеться, бишася, разлѣяся, падеся, прострошася, снесеся, мужаимѣся, ширѣяся, подпрѣся, дотчеся, обѣсися, подвизашася, вѣврѣжеся, плачется, свѣтитяся, вьютяся*. Среди них особенно поздним признаком происхождения обладают производные от непереходных глаголов *падеся, мужаимѣся, дотчеся, обѣсися, плачется, свѣтитяся*, которых удивительно много. Они уже не могут употребляться в известных случаях с препозитивным *-ся*. Например, во фразе *солнце свѣтитяся на небесѣ* — *ся* вообще не является энклитикой и не имеет никакого возвратного значения. Это явный аффикс. Тем не менее этот случай в обсуждаемой книге подпадает под тривиальный разряд I. положения энклитик после начального глагола, разряд, который не представляет для автора никакого интереса и потому нигде им не рассматривается [Зализняк-1, с. 60, 66]. Из трех различий (второе — в двух разновидностях):

1) Винительный падеж местоимения;

2) местоимение, утратившее ударение и переходящее сначала а) только в позиционном плане, а затем б) и в функционально-семантическом плане, в частицу, пока свободную;

3) связанная постпозитивная частица, перешедшая в аффикс, как в современном русском языке;

— выбирается только 2) б) и произвольно распространяется на 1), 2) а) и 3).

Удивительно, что еще более многочисленные собственно-возвратные глаголы *сѣяшеться, разлѣяся, прострошася, снесеся, ширѣяся, подпрѣся, подвизашася*, в которых значение частицы *ся* еще очень близко к возвратному местоимению В. п. ‘себя’, вопреки ожиданиям, не имеют архаического препозитивного *ся*. Глаголы *наплѣнвися, вѣврѣжеся, вьютяся* вряд ли содержали «энклитику», *-ся* в них есть, судя по лексическим значениям, определенно уже словообразовательный аффикс. Итак, если препозитивная частица *ся*, действительно, позволяет положить этот аргумент на «чашу весов» «до Задонщины», то постпозитивная частица *ся* требует положить свой аргумент на «чашу весов» противоположную. Надо только иметь в виду, что требования к «чашам весов» не одинаковые. На одной — повторение и без того многочисленных талантливых устремлений реконструировать язык XII века, на другой — доводы, ставящие объявления Карамзина 1797 г., Мусина-Пушкина и др. о находке нового древнерусского памятника под сомнение. Разумеется, требования к таким доводам повышены, но и число их не может и не должно быть великим.

Как видим, в обсуждаемой книге нигде не учитывается семантика *ся* и движение древнерусского языка от *ся* — возвратного местоимения к — *ся* — грамматикализованной частице (аффиксу). В примерах дистантного

положения *ся* в СоПИ явно виден формальный подход и Анонима, и автора обсуждаемой книги к такому *ся* как признаку старины, без учета процесса грамматикализации возвратного местоимения *ся* ‘себя’. Анониму приходится здесь отказать не только в признании его гением интуиции, но и в признании его гением лингвистического анализа, с математической точностью постигшим сложные правила употребления *ся*.

В книге правильно подмечена склонность Анонима к редким грамматическим формам, но при этом делается несколько поспешный вывод о том, что эта редкость употребления свидетельствует о древности самого текста. Ведь Аноним только того и добивался употреблением этих древних и нетипичных для церковно-славянского языка форм, целенаправленно подмечаемых им в древнерусских рукописях, — эффекта древности. И для нахождения подобных форм употребления *ся* Анониму достаточно было обратиться к тексту Ипатьевской летописи, содержащему описание неудачного похода князя Игоря. В отличие от А. А. Зализняка [Зализняк-1, с. 71], мы полагаем, что странным является не вполне естественный факт, что Аноним обратил внимание на древнее употребление энклитики *ся* в описании похода Игоря в тексте Ипатьевской летописи, а утверждение о невероятности того, что Анониму удалось среди огромной массы древних текстов выделить особенности местоположения *ся* именно в описании похода Игоря.

Употребление редких слов и грамматических форм — характерный признак «стилизации под старину». Современному лингвисту, которому доступны современные компьютерные технологии обработки древних текстов, кажется невероятным, что в XVIII в. была возможна высокая филологическая культура. Культура эта была чрезвычайно высокой, но не настолько, чтобы не утрировать «старину». В вопросе местоположения энклитики *ся* Аноним, в погоне за древностью и редкими формами, непохожими не только на современные ему русские формы, но и на привычные для него церковно-славянские, исказил в целом ряде мест «Слова» реальный характер употребления энклитики *ся* в древнерусском языке. И в этом пункте соблюдение формального закона Ваккернагеля, не требующее больших познаний в древнерусском языке, явно недостаточно для корректного лингвистического анализа древнерусских форм.

Поскольку закон Ваккернагеля¹ был открыт в 1892 г. на основе исследования древних языков [Wackernagel, 1892], у внимательного читателя невольно возникает вопрос: как же — еще задолго до открытия этого закона в XIX в. — научились образованные европейцы (в том числе и многие русские в XVIII в.) правильно расставлять энклитики хотя бы только в чужом им латинском языке? То, что просвещенный Аноним-полиглот XVIII в., искавший систематически редкие и разговорные формы в древних текстах, мог усвоить древние правила расстановки энклитик (интуитивным путем и / или путем лингвистического анализа — здесь не всегда следует настаивать на абсолютном противопоставлении этих двух форм усвоения языка), не представляется нам непосильной для него задачей.

¹ Точнее — правило постановки энклитик в постпозиции к ударному элементу тактовой группы, более или менее развернуто и четко сформулированное разными учеными и до Ваккернагеля — от А. Вейля (1844) до Б. Дельбрюка (1878) [Кисилиер, 2006, с. 122–123].

Такой же непосильной задачей не кажется нам и то, что Аноним, судя по всему, хорошо владевший церковно-славянским языком, мог и даже должен был обратить внимание на различия в употреблении двойственного числа в древнерусских текстах и в церковно-славянской норме. Владение латинским в старой Европе и сложнейшие сочинения на этом языке — дело все-таки ученых. Но освоение гражданами государства Израиль после войны языка двухтысячелетней давности — это задача намного более сложная, чем задача сочинения образованными и талантливыми русскими людьми конца XVIII века (версию чешского аббата Й. Добровского мы исключаем и соглашаемся с основным выводом из критики Кинана. — *Д. Д. и С. В.*) небольшого по объему текста на генетически и идеологически родном для них языке шестисотлетней давности. Написанное рукой самой императрицы Екатерины II Житие св. Сергия Радонежского, непосредственно предшествующее древнерусскому тексту «Слова о полку Игореве» в ее бумагах (листы 6–24: «О преподобном Сергии историческая выпись»), житие, в котором рассказ ведется «то по-русски, то языком церковно-славянским и подлинными словами рукописных источников»¹, могло служить тому примером.

В самом деле, поскольку невозможно отрицать способность к лингвистическому анализу древнерусских форм у современных лингвистов, то невозможно отрицать такую же способность у знатока (и тем более у целого ряда знатоков) древнерусских и церковных памятников в XVIII в. Весь вопрос в том, поддается ли эта способность анализу строго математическими методами? Думаем, что нет.

2. 2. Вопросы истории глагольного видообразования в «Слове» и мнимые имперфекты совершенного вида в «Слове»

Вопросы истории глагольного видообразования поднимаются в обсуждаемой книге на частном примере возможных имперфектов от глаголов совершенного вида [Дмитриев, 1960, с. 85–106]. Формы *дотечаше, поскочаше, възграяху* в СоПИ считаются имперфектами совершенного вида. Отсутствие таких форм в древнерусских памятниках письменности принимается на с. 102–103 не за ошибку, а, напротив, за «безупречную» реконструкцию. Между тем ошибка состоит в следующем. Формы действительного живого имперфекта сов. вида имеют синонимичные варианты имперфекта, вошедшего в несовершенный вид, типа *отпустяше — отпуцаше*. Ряд таких пар приведен по Ю. С. Маслову на с. 99. Для глаголов из СоПИ такими парами были бы *дотечаше — *дотекаше, поскочаше — *поскакиваше, възграяху — *възграиваху*. Но русские глаголы движения до сих пор остаются в рамках архаического довидового способа глагольного действия. Глагол *течи* вообще утратил положение прототипического простого глагола движения, поэтому он не «обрастает» таким же большим количеством приставок, как другие глаголы движения типа *идти — ходить*, а исходную пару *течи — *текать*, пригодную для видообразования типа *дойти — доходить*, образует только в низовом просторечии, поэтому *дотечи* без своего оппозиита не может

¹ *Екатерина II. Житие преподобного Сергия Радонежского. Написано Государынею Императрицею Екатериною Второю. Сообщил П. И. Бартнев. СПб., б. г. [1887]. С. VI. [Пекарский, 1864, с. 1–2, 5].*

быть отнесен к совершенному виду (обозначает и 'долететь', и 'долетать'), следовательно, и форма *дотечаше* не может быть квалифицирована как имперфект совершенного вида, она вообще отсутствует в древних текстах. Глагольная пара *скочители* — *скакати*, напротив, хотя и сохраняет семантику движения, без приставок не остается целиком в рамках несовершенного вида (ср. *блудить* — *блуждать*, *катить* — *катать*, *тащить* — *таскать*, *валить* — *валять*). Из этого как будто бы следует, что форма *поскочаше* — определенно имперфект сов. вида, но начинательный способ глагольного действия и сейчас с трудом образует пару несов. вида. Поэтому приставочные формы под звездочкой остаются мнимой величиной. Вряд ли они когда-либо существовали в русском языке. И если индивидуальное конструирование формы слова *дотечаше* и под. «безупречно», то оно не находит системного оправдания в образовании реальных словоформ. В «Словаре-справочнике» представлены только древнерусские формы аориста *поскочи*, наст. вр. несов. в. *дотечеть*, форма XVII в. *возгряло* и былинная *возгрявал*.

Формы, образованные в СоПИ от глагола *рыскати*, производятся непосредственно в тексте: *Всеславъ Князь людемъ судяше*, *Княземъ грады рядяше*, *а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше*; *изъ Кыева дорискаше до Курь Тматороканя*; *великому хръсови влъкомъ путь прерыскаше*. Здесь нет какой бы то ни было парадигматической рефлексии, ударение не поставлено, и мы вольны повсюду считать ударным суффикс *-а-*, что исключает трактовку приставочных образований как имперфектов совершенного вида.

Для объяснения подобных форм в «Слове» приводятся относительно новые формы типа *отпустяше* (не *-щаше*) от совершенного вида. Их, действительно, нельзя назвать «двувидовыми имперфектами». Однако этот «второй вариант» в совершенном виде на поверку оказывается единственным по морфонологическим соображениям: отсутствует **-j-*, который закрепляет будущие видовые пары типа *отпустити* — *отпущати*. Только с такой поправкой можно принять нечастые формы типа *отпустяше* и обычные формы типа *отпущаше*, сложившиеся в эпоху до становления специфически русской категории глагольного вида (в узком морфологическом смысле) и вошедшие во вторичную ассоциацию, позже переосмысленные в своих формообразовательных связях. Они образованы (произведены) от *отпустити*, но приобрели вторичную мотивацию новыми инфинитивами *отпущати*. Спряжение с сохранением суфф. *-а-* *отпущаю*, *отпущаеши* (не **отпущу*, *отпущеши*) ясно показывает это.

О формах *обличаше*, *ублажаше*, *примираше* и под. говорится в совершенно синхронистском духе: они «имеют одинаковый имперфект» как от форм сов. вида *обличити*, *ублажити*, *примирити*, так и от форм несов. вида *обличати*, *ублажати*, *примиряти*. Но вторые формы производны от первых и исторически представляют собой лексикализацию имперфектов, то есть на деле выстраивается тройственная связь *обличити* — *обличаше* — *обличати*, и наш нынешний несовершенный вид — это, по происхождению, разросшийся дочерними производными формами имперфект.

После совершенно явного и бесспорного примера на имперфект от производящего довидового глагола *раздълити* (*раздъляхуть*) читатель встречает пессимистическое заключение: «К сожалению, надежно установить вид глагола в таких случаях невозможно» [Зализняк-1, с. 95]. Для XII–XIII вв.,

времени создания Успенского сборника, из которого цитируется Житие Феоодосия, действительно невозможно, но для более поздних периодов формы *раздѣляхуть* — *раздѣляти* определенно относятся к несовершенному виду. Диахроническое измерение языка здесь произвольно заменяется синхроническим. Мы с радостью поддержали бы такой подход, если бы он был последовательно панхроническим, и тогда «Слово» можно было бы непротиворечиво признать произведением, смело расширяющим на шесть веков вглубь (а ныне уже и на восемь) рамки современного русского литературного языка.

Имперфекты от основ наст. вр. типа *начняху* (с. 95-96) свидетельствуют только об относительном значении времени (настоящего в прошедшем), а в «Домострое» — и вовсе во вневременном значении [Колесов, 2009, с. 308], но никак не о завершившей свое развитие и вполне грамматикализовавшейся категории русского глагольного вида.

Историческая динамика имперфектов от совершенного вида изложена верно. Но именно отмирание имперфекта совершенного вида и сохранение имперфекта только несовершенного вида противоречит заявленным на с. 95 «двувидовым» имперфектам типа *обличаше*. Если следовать такой логике, то «двувидовые» имперфекты, а значит в том числе и совершенного вида, должны были хорошо сохраняться на протяжении всей истории.

Формы *будяше*, *дадяше* лишний раз показывают свое довидовое происхождение.

Примеры Ю. С. Маслова показывают действительные и строго понятые формы имперфекта, производные от глаголов совершенного вида. Следующее за этим упоминание А. А. Зализняком «омонимии видов» (заметим, теперь так определенно понимаются «двувидовые» имперфекты), сообразно значению термина *омонимия*, позволяют отнести форму *обличаше* не только к несовершенному, но и совершенному виду в любое время ее существования. Но это уже напрямую противоречит изложенной на с. 96 исторической динамике имперфектов совершенного вида. Такой омонимии видов не существовало, напротив, формы типа *обличаше*, после переразложения основы, стали базой суффиксальной имперфективации типа *обличити* — *обличати*. В целом, пояснения Ю. С. Маслова изложены верно, но неверно применены к СоПИ.

Насколько осторожно необходимо относиться к формам имперфекта на фоне новой русской категории вида, показывает следующий пример. Имперфектная форма греческого приставочного глагола «до исправления в Киеве и при Никоне переводилась славянским имперфектом несовершенного вида — *пытаху* (Гимовская ред., л. 26 об.), что было обычным. Но в XVII в. этот глагол был переправлен на *испытаху*, т. е. на имперфект с основой совершенного вида. Как доказал Ю. С. Маслов, славянский имперфект с основой совершенного вида иногда встречался и мог иметь целый ряд особых значений... Но причинамены *пытаху* на *испытаху* не эта, так как имперфект, как и аорист, в XVII в. был формой устаревшей, и для справщика гораздо большее значение имел вид глагола, который в данном случае меняется. Мы предполагаем, что причиной замены было то, что в середине XVII в. значения глаголов *пытати* и *испытати* уже разошлись, как в современном русском языке, и в данном случае больше подходил с точки зрения никоновского справщика глагол *испытати* в значении «спрашивать, разыскивать» [Момина, 1982, с. 115–116].

В примере *и выгнаша... и онъ поидяше...* — типичный случай употребления имперфекта в значении действия, вызванного действием, выраженным формой аориста и следующим непосредственно за ним. Таких примеров много и в архаических текстах, в Св. Писании и др. Здесь нет «чужого» значения аориста. Единичность/повторяемость суть не временные, а аспектуальные значения. Имперфект же — это частное понятие (разновидность) морфологической категории времени.

Но эта категория в русском языке упростилась. Имперфекты от основ, вошедших в новую видовую оппозицию в качестве членов совершенного вида, не были востребованы после XV века не потому, что их «никто уже не умел правильно по смыслу употреблять», а потому, что имперфект в русском языке (в отличие от болгарского) совпал по своим значениям со значениями нового прошедшего несовершенного на -л-. Старое содержание стало оформляться по-новому, а церковно-славянская норма не знает развитых имперфектов совершенного вида.

К сожалению, приходится вспоминать кантово положение о том, что ошибка в основании (принципе, исходном положении, системе) тяжелее ошибки в ходе рассуждения.

Итак, словоформы *дотечаше, поскочяше, възгряху* следует рассматривать как гиперкорректные формы, образованные под влиянием церковно-славянской нормы XVIII в.

Почему-то далее, на с. 104 прямо уже применяется двойной стандарт: **взраивали* в литературном языке «едва ли допустимо», хотя именно эту форму знают наши былины, — **възгряху* же — допустимо, хотя этой формы не знает ни один текст.

К «безукоризненному» соблюдению морфологических (что еще понятно, в старом асемантическом смысле термина «морфология») добавляется и соблюдение «семантических» правил, как мы увидели, сформулированных без необходимого учета способов глагольного действия и реального хода видообразования в русском языке.

Имперфект совершенного вида, о котором шла речь, Аноним якобы должен был открыть самостоятельно. Но, как мы показали, он его «переоткрыл», открыл слишком усердно, без учета необходимых исторических ограничений. Имперфект, то есть время преходящее, был хорошо описан в грамматиках и прекрасно представлен в церковно-славянских текстах XVIII в., напр.: «Чрѣзъ всё житіє наше, котóрое нóщію нарещійся мóжетъ, *метáхомъ* мрѣжи наша въ пространное міра сегw мóре, толіkw бѣдъ ѝ печáлей при многмятѣжной ловйтѣвъ воспріяхомъ, ѝ ничтóже іахомъ. Но не ходя до мертвецѣвъ, вopróсимъ живыихъ сегw свѣта ловителей, котóрые хитроплетѣнныя прóмыслwвъ ѝ трудwвъ свойхъ мрѣжи въ тлетворную міра сегw пучину запусчáють: чтó іаша, чтó оуловиша» [Стефан, 1804–1805, с. 77].

2.3. О моделировании языковой личности Анонима

В ряде классических работ, в том числе в работах акад. П. П. Пекарского, члена-корр. Академии наук П. К. Симони, акад. Д. С. Лихачева и члена-корр. Академии наук Л. А. Дмитриева, опубликованы материалы, свидетельствующие о том, что до выхода в свет первоиздания «Слова» в 1800 г. существовали

не только рукописные «переложения» «Слова», но и копии предполагаемого древнерусского оригинала, а также выписки из него, отличающиеся друг от друга как графическим обликом, так и содержанием самого древнерусского текста [Пекарский, 1864; Симони, 1890; Лихачев, 1978; Дмитриев, 1960]. В работах П. П. Пекарского и Г. Н. Моисеевой [Пекарский, 1864; Моисеева, 1993] приведены также данные, которые показывают непосредственную причастность к работе над «Словом» в 90-ые годы XVIII века самой Екатерины II¹, щедро делившейся собранными ею сведениями по русской истории и древнерусскими рукописями со своими сотрудниками.

Сам по себе примечательный факт обнаружения подготовительных материалов к публикации «Слова» среди собственноручных бумаг Екатерины II и с ее пометами, содержащих не только ее заметки по поводу родословных русских князей и их жен, но и материалы, связанные с изучением императрицей истории Куликовской битвы, а также то, что древнерусский текст «Слова» (листы 25–33), как мы уже сказали, идет сразу после написанного рукой императрицы Жития Сергия Радонежского (листы 6–24: «О преподобном Сергии историческая выпись»), составленного древним слогом, «с заметным желанием удержать обороты церковно-славянского языка» [Пекарский, 1864, с. 1–2, 5], не получил еще до сих пор в научной литературе всестороннего объяснения в связи с литературными занятиями самой императрицы.

Екатерина II грешила переделками чужих литературных произведений, используя их сюжеты и непосредственно тексты в своих собственных (или приписываемых ей) сочинениях. Так, например, в «Сказке о царевиче Хлоре» Екатерина II использовала сюжет и сам текст французской сказки «*Florine ou la belle Italienne*» [Florine, 1713], перенеся действие из Италии эпохи до рождения Ромула (*avant la naissance de Romulus*) в древнюю Русь «до времен Кия, Князя Киевского», заменив сказочную принцессу Флорину на русского принца Хлора [Сиповский, 1910, с. 313].

Естественно, возникает вопрос: не послужила ли работа Екатерины II над древними материалами, связанными с Куликовской битвой, толчком к созданию самого замысла и ранних версий «Слова», обнаруженных в бумагах Екатерины II?

Представляет также интерес в связи с принципами первого издания «Слова» с историческими примечаниями издание пьесы Екатерины II «Подражаніе Шакеспиру. Историческое представление [...] изъ жизни Рюрика». Вновь изданное съ примѣчаніями Генераль Маіора И. Болтина» [Екатерина II — 2]. Наконец, исследователям СоПИ хорошо известно описание похода князя Игоря 1185 года на половцев в екатерининских «Записках касательно Российской Истории», впервые опубликованное в 12-й части «Собеседника любителей русского слова» в 1783 году [Екатерина II — 1]. Не менее хорошо известно и об интересе Екатерины II к деятельности А. И. Мусина-Пушкина и других членов его кружка, начавших заниматься СоПИ еще при жизни императрицы. Отнюдь не случайно первое упоминание о СоПИ содержится уже в рукописи «Опыта повествования о России», написанной ближайшим советником Екатерины II и ее кабинет-министром И. П. Елагиным [Козлов, 1988, с. 146–149]. В связи с этими и многими другими фактами, требующими

¹ В этом вопросе мы расходимся с А. А. Зиминим [Зимин, 2006], так же как и в вопросе авторства «Слова».

еще специального исследования, нам представляется весьма правдоподобным, что не А. И. Мусин-Пушкин, а сама Екатерина II вполне могла быть инициатором опыта переложения на архаический русский язык текста СоПИ.

Если это так, то следует рассмотреть версию процесса работы над СоПИ, который шел, вероятно, в направлении от общего коллективного замысла, представленного уже в бумагах Екатерины II кратким «Содержанием» «Слова о полку Игореве» (в дальнейшем — Е1), к тексту утраченного протографа переложения «Слова», представление о котором дает само переложение (в дальнейшем — Е2), а от него к Екатерининской копии древнерусского текста «Слова» (Е3) и, наконец, к древнерусскому тексту печатного издания 1800 г. (П1) и его переводу (П2) с параллельной разработкой примечаний.

В пользу именно такой последовательности работы над текстом «Слова» свидетельствуют некоторые особенности Е1:

1) согласно Е1, «кровополитное сражение» между воинами князя Игоря и половцами произошло в 1185 году «при рѣкѣ Калкѣ близъ Дону». В окончательном тексте Е3 упоминается символическая река Каяла, а не река Калка, близ которой в действительности произошло другое — более позднее — сражение, не с половцами, а с татарами в 1223 г., то есть ошибка, навеянная не очень последовательным чтением летописей, исправлена;

2) в тексте Е1 Ярославна представлена не как жена князя Игоря, а как «супруга младаго Владиміра». Примечательно, что именно Екатерина II исправила эту ошибку Е1 и установила, что Ярославна была Ефросинией Ярославной Галицкой [Моисеева, 1993, с. 23–27].

Как видим, содержание Е1 отражает не некий подлинный текст средневековой поэмы, а более ранний этап работы над самим текстом «Слова».

Что касается времени появления Е2, то о более раннем появлении самой рукописи текста Е2 по сравнению с рукописью Е3 пишет уже Л. А. Дмитриев, хотя он и дает этому факту другую интерпретацию, объясняя «какой-то спешкой»¹ посылку Е2 Екатерине II «в полурабочем виде», без древнерусского текста Е3, переписанного отдельно, так как не хватило места в оставленной для него левой части листа, «чтобы *потом подогнуть под перевод*² расположение в ней древнерусского текста» [Дмитриев, 1960, с. 313]³. Более вероятной причиной отказа от заполнения левой части страницы является не спешка, а обнаруженные писарем несоответствия в Е3 по сравнению с Е2⁴ и физическое отсутствие готового текста Е3 еще в тот момент, когда переписывался Е2.

Рукопись Е2 и Е3 несет на себе следы работы Екатерины II над текстом Е3, которые неоднократно отмечались исследователями [Пекарский, 1864, с. 6; Моисеева, 1993, с. 20–23]: это приписки рукой императрицы на левом чистом

¹ Ср. [Лихачев, 1978, с. 265–266]. В отличие от Д. С. Лихачева, который полагал, что текст Е2 отражал «какую-то промежуточную стадию подготовки текста «Слова», более позднюю, чем Екатерининская копия, но более раннюю, чем текст издания 1800 г.» [Там же, с. 266], мы считаем, что текст Е2 предшествовал созданию Екатерининской копии Е3.

² Выделено нами — С. В. и Д. Д.

³ Заметим, что в другом месте своего исследования (там же, с. 276) Л. А. Дмитриев присоединяется к мнению Д. С. Лихачева о более позднем, чем Екатерининская копия, появлении текста «перевода» Е2.

⁴ Подробнее см. [Власов, Демидов].

поле, представляющие собой объяснения непонятных слов и языковых форм (л. 27 об.: *воззръ* — в тексте: *възре*; *борзья кони* — в тексте *бързья комони*), подчеркивания отдельных имен собственных с цифрами на левом поле, обозначающими необходимость введения в текст исторического комментария (л. 29 об.: *Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе* — на левом чистом поле рукою Екатерины II поставлена цифра 2 *при Олзь Гориславичи* — на поле стоит цифра 3, *Даждь-Божа внука* — на поле цифра 4; л. 31 об.: *Бусова* — на поле цифра 5; л. 32: *Сыны Глѣбовы, буй Рюриче и Давыде* — на поле цифра 6, *Галичкы Осмомысле* — на поле цифра 7; л. 33: *Изяславъ сынъ Васильковъ* — на поле цифра 8; л. 33 об.: *Ярославна рано плачетъ въ Путивль* — на поле цифра 9) [Моисеева, 1993, с. 20–23].

Если считать Екатерину II непосредственно участвовавшей в работе над СоПИ, то из ее помет видно, что она предложила и сам *образ текста*, навеянный, возможно, образом текста Оссиановых поэм Макферсона, с объяснениями непонятных слов и учеными примечаниями, комментирующими имена собственные. В том же фолианте, в котором находится рукопись «Слова», на листе 269 сохранилось собственноручное распоряжение Екатерины II: «Требовать изъ Чернигова, Переяславля, Новгородка-Северскаго, чтобъ прислали реестры рода Рюрикова князей поименно, какъ въ тѣхъ городахъ сохранены. Также и супругъ тѣхъ князей и, буде отъишутся супруги, отъ какого рода. Также просить митрополита кievскаго и архіереевъ вышеписанныхъ городовъ, чтобъ изъ монастырей тѣхъ епархій такіе же реестры присланы были» [Пекарский, 1864, с. 7]. Это распоряжение мы бы сопоставили с другим еще более «эпохальным» распоряжением Екатерины II — присылать ей из разных стран переводы на языки народов всего мира тематических списков слов для задуманного ею «Сравнительного Словаря всех языков и наречий» [Сравнительный словарь, 1790–1791].

По мнению Г. Н. Моисеевой, перевод «Слова» и комментарии в бумагах Екатерины II «были сделаны, как писал уже Д. С. Лихачев, «в спешном порядке» и, как теперь можно полагать с большим основанием, в 1791 — самом начале 1792 г.», ранее, чем публикация в 1793 «Родословника князей великих и удельных рода Рюрика» Екатерины II [Моисеева, 1993, с. 25].

Вышеизложенные обстоятельства позволяют нам предположить, что если «Слово» возникло в XVIII в., то над ним работал не один человек, а целый коллектив (или даже несколько коллективов, возможно, под руководством самой императрицы Екатерины II) квалифицированных историков, литераторов, палеографов и знатоков древнерусского языка, имевших в своем распоряжении богатейшие собрания древнерусских рукописей Москвы и Петербурга.

Как видим, ссылки на то, что эрудит XVIII в. не имел доступа к не опубликованным еще древнерусским памятникам, также не выглядят убедительными в работе, моделирующей языковую личность «мистификатора» без изучения историко-литературной стороны вопроса публикации «Слова» в XVIII веке.

Сам факт многократного переписывания копий текста на древнерусском языке и его «переложений» говорит о том, что в целом ряде так называемых «ошибок при переписывании» повинен не Аноним, а копиисты XVIII в. и, возможно, сами редакторы-публикаторы текста «Слова» в 1800 г. Разумеется, никто из них не знал о «законе нарастания процента ошибок по ходу списывания» [Зализняк-1, с. 139]. Не знал тем более, что этот закон не соблюдается

в Екатерининской копии «Слова», появившейся явно до первоиздания 1800 г. «Ошибки по ходу списывания» в Екатерининской копии свидетельствуют о том, что копиист уже делал «ошибки» не в конце, а в самом начале списывания, в написании таких словоформ, как *полку* (вместо *пѣлку* или *пѣлку*, как в разных экземплярах печатного издания 1800 г.), *волкомъ* (вместо *вѣлкомъ*), *полкы* (вместо *пѣлкы*) и только начиная со слова *прѣсты* стал воспроизводить болгаризированную графику, да и то непоследовательно, о чем свидетельствуют написания *наполнився* (вместо *напѣлнився*, как в тексте 1800 г.), *полкы* (вместо *пѣлкы*), *бързыя* (вместо *брѣзыя*) [Дмитриев, 1960, с. 257–258] и т. д. Это говорит о том, что дело здесь не в «накоплении усталости» и «постепенном ослаблении внимания» [Зализняк-1, с. 137], а в причинах совершенно другого характера, связанных, вероятно, как с навыками письма копиистов, так и с представлениями (часто ошибочными) редакторов-корректоров текста о большей или меньшей древности разнообразных написаний или о соответствии написаний некоторому корректорскому единообразию (ср. [Лихачев, 1978, с. 74–75; Дмитриев, 1960, с. 58].

В свете истории публикации «Слова» излюбленный аргумент сторонников раннего происхождения «Слова», заключающийся в невероятности предположения о том, что мистификатор XVIII в. имел перед собой пять разных списков «Задонщины», представляется нам еще менее убедительным, чем предположение о том, что в разное время в разных местах разные авторы разных списков «Задонщины», имевшие разный (порой весьма низкий!) уровень образования, по-разному выбирали из разных не дошедших до нас списков «Слова» понравившиеся им слова и целые куски текста. Так, А. Г. Бобров полагает, что к «Слову» при написании и редактировании «Задонщины» обращались дважды [Бобров-2, с. 117], что невероятно: обычно в разное время цитируются тексты, многократно переписывавшиеся. Не случайно сторонники древности «Слова», так же, как и сторонники поздней датировки «Слова», высказывают предположение о существовании действительно не дошедшей до нас пространной редакции «Задонщины», может быть, еще более ранней, чем список краткой редакции второй половины XV века, по сути, предположение о существовании того «волшебного» списка, решающего все текстологические проблемы, о котором пишет А. Г. Бобров.

Склонность автора «Слова» к изысканным образам, редким даже для древнерусского языка словам и грамматическим формам, независимо от решения вопроса, в каком веке творил этот безымянный гений, свидетельствует не только о его уникальной эрудиции и начитанности в древнерусской литературе, но и о его исключительных лингвистических и других индивидуальных способностях. Из самого портрета этой уникальной языковой личности следует, что к ней неприменимо понятие нормы и психологии среднего обывателя. Обсуждаемая книга не опровергает, а только подтверждает данное положение.

В работе А. А. Зализняка говорится о неимоверно большом знании истории языка, которым должен был бы обладать предполагаемый автор «Слова» XVIII в. (Аноним). Более того, знания эти должны быть не просто большими, они становятся бесконечными, поскольку к Анониму выдвигаются несбыточные требования. Логическая ошибка в этих рассуждениях заключается в том, что разнообразные сближения с древними текстами, производимыми множеством ученых и самим А. А. Зализняком, предполагаются с необходи-

мостью известными также и Анониму, а затем делается вывод, что он не в состоянии отыскать таких редких сближений. Вопрос не ставится, необходимы такие сближения вообще или нет. В книге приводится большое количество других сближений диалектного характера, из которых видно, что и они так же возможны и достаточны, следовательно, сближения с древними текстами уже не необходимы, и требования в историко-лингвистических познаниях к Анониму можно существенно снизить.

Итак, в книге выдвигаются заведомо избыточные требования к уровню освоения вопросов языкознания, на котором должен находиться Аноним. Владение каким-либо языком (родным или даже иностранным) — природная способность, причем более высокая, чем владение наукой об этом языке. Вот почему **всегда кажется**, что сочинить так, как, скажем, летописец Нестор или Епифаний Премудрый, невозможно: знаний не хватает. Но здесь нужны не только особые знания и умения, здесь нужен **талант**.

Переформулируем предположение: обладал ли такими знаниями и умениями, таким талантом и такими способностями поэт XII века, какие были необходимы для создания «Слова»? Мы знаем наших древних блестящих проповедников, богословов, переводчиков, публицистов, составителей богослужебных песнопений, житий, летописей, хождений, множества деловых документов. Но мы не знаем поэтов, которые бы слагали художественные произведения о летописных событиях. В то время только еще передавались из уст в уста былины Владимирского цикла; даже фольклорные исторические песни появляются не ранее XV в.

«Слово» показывает высший уровень владения языком и искусством слова, уровень опыта, который в жанрово-стилистическом, диалектном и формально-лингвистическом отношениях еще не был накоплен к концу XII века. Нет лучшего способа показать всем русским читателям, и особенно учащимся, события и родной язык древности, чем сочинение «Слово о полку Игореве» — плод кумулятивного (накопительного, без потери приобретаемого опыта) развития русского языка.

В книге А. А. Зализняка сопоставляются ситуации «родной язык — иностранный (неблизкородственный) язык» и «родной язык современный — родной язык древний». Обе ситуации приравниваются друг к другу, хотя ясно, что в первом случае речь идет о вживании в другой мир, изучении другого кода, во втором случае — в расширении уже известного и привычного мира, обогащении родного кода. Это принципиально разные ситуации. Сказано прямо: «Древнерусский язык — тот же иностранный» [Зализняк-1, с. 18]. С этим положением категорически согласиться нельзя, но, к сожалению, именно это положение оказывается исходным во всех дальнейших рассуждениях А. А. Зализняка.

Отношение к языку родному и к языку изучаемому или научно исследуемому различное. Родной язык мы, как коллективный говорящий субъект, стремимся расширить в своем объеме, что и происходило в конце XVIII века в процессе его славянизации. Иностранный язык мы воспринимаем отстраненно и так или иначе формируем двуязычие. Возможно, для каких-то частных исследовательских целей полезно **представлять** и древние формы родного языка как иностранные, но эту условность необходимо всякий раз преодолевать для достижения исторической полноты картины. Иностранные ученые легче аналитически раздробляют и вновь синтезируют изучаемый

объект, поскольку его части являются для них одинаково трудными предметами: современный русский разговорный язык иностранцу (а особенно вдумчивому ученому) освоить даже труднее, чем старинный язык по книгам. Как же оцениваются иностранные ученые?

ЧАСТЬ III. О РАБОТАХ НЕМЕЦКИХ И АВСТРИЙСКИХ ЛИНГВИСТОВ — СТОРОННИКОВ ПОЗДНЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

С 1970-х годов к французским исследователям «Слова о полку Игореве», склоняющимся ко мнению написания «Слова» «после Задонщины», один за другим стали присоединяться лингвисты немецкие и австрийские. Стали множиться языковедческие основания, исключаящие появление текста «Слова» в XII или хотя бы в XVI в. К сожалению, до рассматриваемой книги А. А. Зализняка никаких отзывов о новых трудах немецких коллег русские языковеды не оставили¹. В этом смысле труд акад. А. А. Зализняка по праву можно назвать пионерским. Он привлекает внимание соотечественников к текущим зарубежным работам на актуальную животрепещущую тему.

3.1. О работах М. Мозера и К. Троста

О статье М. Мозера [Moser, 2005] в книге А. А. Зализняка читаем следующее: «При этом в изложении М. Мозера дело выглядит так, что объяснения требуют только примеры с препозицией *ся*, а примеры с постпозицией представляют собой как бы нейтральный, ни о чем не говорящий фон, и можно не учитывать ни их структуру, ни их количество» [Зализняк-1, с. 75]. Но, во-первых, Мозер вообще нигде не пишет о том, что примеры с постпозицией *-ся* «представляют как бы нейтральный, ни о чем не говорящий фон», его статья посвящена преимущественно частице *то* и другим частицам, но не аффиксам (хотя бы и происходящим из частицы); во-вторых, как было показано выше, если бы он взялся писать о таких примерах, он пришел бы примерно к таким же выводам, усиливающим аргументы «после Задонщины», поэтому сама претензия беспочвенна. М. Мозер правильно применяет дедукцию: чем меньше примеров на данное правило, тем меньше вероятность, что использовано именно оно, а когда пример всего один из пяти, то такая вероятность крайне мала. В книге А. А. Зализняка неправильно применена индукция: редкий пример в СоПИ будто бы требует обоснования столь же редкими примерами в древних памятниках. Фонетисты хорошо знают, что внешне схожие редкие нетипичные явления разных эпох могут быть вызваны разными причинами.

В критике Мозера за образцы принимаются не реальные примеры из текстов, а только статистические таблицы. За образцовый берется текст Ип. л., которая была известна в XVIII веке, а в ней — прямая речь, — такой же синтаксический тип употребления, что и в высказывании *а чи диво ся, братіе, стару помолодити*.

По поводу случая двойного *ся* можно кратко сказать, что в самой обсуждаемой книге допускается неосознанная имитация текстов XV–XVI вв. [За-

¹ Исключение составляет литературоведческая рецензия [Прохоров, 1975].

лизняк-1, с. 85]. Следовательно, возникает противоречие, поскольку до этого требуется осознанный поиск подобного редкого примера в древних текстах.

К. Тросту [Trost, 1974] приписывается мысль, будто он утверждает, что церковнославянизмов в СоПИ «крайне мало» [Зализняк-1, с. 21]. В действительности на указанной с. 140 своей статьи Трост пишет буквально о *Zurückdrängung* церковнославянизмов, то есть об оттеснении, подавлении в тексте лексики с такими признаками, используя, в совершенно немецком духе, образ военных действий, поскольку *zurückdrängen* означает ‘заставить противника перейти к обороне’¹. Пожалуй даже, эта ситуация предполагает обилие и мощь славянизмов, если с ними Карамзину приходится сражаться. По Тросту, Карамзин стремился изгонять (*verbannen*) славянизмы из русского литературного языка, что соответствует действительности.

Наблюдения Троста и Хендлера, вопреки А. А. Зализняку, не противоречат, а дополняют друг друга.

Со с. 282 работы К. Троста и других немецких и австрийского ученых разбираются уже особо. Можно принять замечание, что **один** 29-летний писатель Н. М. Карамзин не мог составить «Слово», но его участие как редактора в работе над «Словом» все же подтверждается приводимыми и не приводимыми Тростом фактами. Нами предпринимались безуспешные попытки принципиального опровержения К. Троста, в частности, сравнение по композиции и опорным словам «Слова» с «Островом Борнгольм» (1793), по лексике и фразеологии — со стихотворением «Волга» (1793), по синтаксису, включая построение периодов, и стилю — с «Цветком на гроб моего Агатона» (1793). Сходства, отмечаемые К. Тростом для других, художественных прозаических произведений Карамзина, также очень значительны. Факты биографии «Николая Михайловича», у которого «затерялся оригинал» (будто бы перевода СоПИ), также требуют более внушительного знакомства с текстом «Слова», чем простое его изучение в качестве одного из первых слововедов.

Ни один из многочисленных примеров именных словосочетаний в форме Род. падежа, приводимых А. А. Зализняком, не соответствует семантике выражения *третьяго дни* в «Слове». Этот оборот в СоПИ не может быть объяснен как калька с греч. [Зализняк-1, с. 293]. *Третьяго дни*, по Тросту, это «отчуждающее образование» по типу немецкого Род. падежа. А. А. Зализняк опускает здесь важную семантическую деталь, которую отмечает Трост: таким образом можно объяснить происхождение современного выражения *третьего дня* ‘позавчера’, но не того, которое видим в СоПИ. При семантической исторической константе ‘позавчера’, происходит сокращение оборота за счет утраты производного предлога *первее*. Измерение времени от говорящего при значении ‘позавчера’ остается, в «Слове» же имеется в виду измерение времени от объективного события: ‘**на** третий день’.

«Трудно представить себе, — читаем далее [Зализняк-1, с. 293], — более эффективный способ скомпрометировать работу лингвистов. Тут бесосновательно почти все». Формулировки К. Троста, вопреки А. А. Зализняку, достаточно ясны: наши славянские генитивы времени не претерпели прямого влияния греческого генитива времени. Поэтому «бесчисленные» *того же*

¹ Здесь уже виден межкультурный конфликт. Метафора войны, вполне обычная для англо-американской и германской культуры, которую подробно разбирает Лакофф, нами не принимается или понимается неправильно.

лѣта, сего же мѣсяца, тоя зимы, върьбьноѣ недѣльѣ, разумеется, считаются как Тростом, так и Залиняком, исконными славянскими конструкциями, но они не объясняют появления в «Слове» *другаго дни, третьяго дни*.

Можно согласиться только с тем, что *сего дъне* невозможно вывести из *до сего дъне*, но и Трост высказывает мысль о простом отпадении предлога *до* предположительно. Здесь (и только здесь!) немецкий ученый, действительно, не прав. Калькированный характер выражения *третьяго дни* остался неопровергнутым.

В целом статьи К. Троста [Trost, 1974, 1980, 1981] представляют собой лишь первые опыты введения «Слова» в круг литературных произведений XVIII века. Направлению исследования, заданному немецким ученым, несомненно, следует придерживаться. И точно так же, как гипотеза происхождения «Слова» в XII веке помогла нам открыть нашу древнюю словесность, гипотеза происхождения «Слова» в конце XVIII века поможет нам более глубоко и всесторонне изучить нашу блестящую словесность Екатерининской эпохи.

3. 2. О работе Р. Айтцетмюллера

Покойный Р. Айтцетмюллер поддержал К. Троста и предложил анализ полонизмов и именного склонения в «Слове». Случай с Л. А. Булаховским типичен для добросовестных советских и постсоветских русских исследователей «Слова»: при объективном и точном описании фактов делать выводы (не самостоятельно приходить к таковым, а именно делать), принимаемые и приветствуемые текущей конъюнктурой. Интерполяция приставочного производного от бесприставочного регионального производящего XVII века в век XII («в этом случае *въсрочатъ* могло стоять уже в первоначальном тексте» [Зализняк-1, с. 299] антиисторично и возможно только ввиду применения полихронической методики, изолированной от истории языка. Приращение версии Л. А. Булаховского с уточнениями Р. Айтцетмюллера можно объяснить только как желание оставить «темное место» «темным» навсегда. Но это противоречит профессиональной задаче ученого.

В небольшой статье Р. Айтцетмюллера об именном склонении [Aitzetmüller, 1992] этические нормы не нарушаются, хотя в книге читаем о «пренебрежительном и высокомерном тоне» немецкого коллеги. Возможно, имеется в виду заключение: «Diese Beispiele dürften genügen. Wenn Anhänger der Echtheitstheorie sie nicht widerlegen können, sondern weiterhin ihrer Meinung anhängen, trotz der Arbeiten von Trost und Hendlер, die mit Vorausgehendem eine Einheit bilden, dann bleibt nur die Feststellung, daß Glaube irrational ist» [Ibid., с. 117]. Оно переведено следующим образом: «Этих примеров, пожалуй, достаточно. Если приверженцы теории подлинности не могут их опровергнуть и тем не менее продолжают держаться своего мнения, несмотря на работы Троста и Хендлера, которые образуют единство с вышесказанным, то остается лишь признать, что вера иррациональна» [Зализняк-1, 337].

Упоминания «Задонщины» у Айтцетмюллера нет, поскольку относительно Кирилло-Белозерского списка возникает особый вопрос об оформлении тех же окончаний. Уже само по себе упоминание «тех, кто представляет себе написание СПИ как фарс, устроенный каким-то литературным Хлестаковым на спор с приятелями за один вечер» [Зализняк-1, с. 331] напоминает спор не с

реальными, а с воображаемыми оппонентами. «Слово» — труднейшее во всех отношениях произведение, работа над ним, по разным косвенным признакам, велась, вероятно, не менее 5–6 лет и, судя по всему, несколькими одаренными поэтами, писателями и историками во главе с императрицей Екатериной II. Поэтому, в силу давней недооценки труда возможных составителей «Слова» в конце XVIII в., требовалось бы пофамильно назвать этих «тех», а также обстоятельства, в которых они позволили себе такую (недо)оценку.

К сожалению, пытаюсь опровергнуть Р. Айтцетмюллера, А. А. Зализняка не привлекает результаты тщательного анализа лексическо-стилистически обусловленной реализации системы именного склонения в тех псковских памятниках, с которыми он сопоставляет именные окончания в «Слове», как это сделано, например, в [Тот]. И. Тот учитывает сохранение архаизмов и условия появления инноваций, сравнивая эти процессы с общерусской картиной. «Слово» в эту картину не вписывается. Так, по И. Тоту, во всех списках Псковской летописи, в том числе Строевском, в М. п. ед. ч. имен существительных типа скл. на **-jā* преобладает старое окончание *-и*. В «Слове» же наблюдаем современное окончание: *въ грядницѣ Святъславли*. Ср. также современную флексию М. п. *-ѣ* в именах от других основ: *вльци въ полѣ, въ полѣ незнаемѣ, и въ морѣ погружиста, стоять стязи въ Путивлѣ, на полѣ незнаемѣ, плачеть въ Путивлѣ (2 р.), лелѣючи корабли на синѣ морѣ, въ полѣ безводнѣ, птици бити въ полѣ Половецкомѣ; въ градѣ Тьмутороканѣ, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ, на жестоцѣмъ его тѣлѣ, свѣтитъ на небесѣ*. Нами найдено в «Слове» только два случая сохранения архаической флексии существительных в М. п. ед. ч. *-и*, оба — в финале: *Игорь Князь въ Руской земли. Дѣвци поютъ на Дунаи*. Из них — только один случай исконного типа скл. на **-jā*, но и этот вариант *земли* известен светской поэзии XVIII века. Напротив, в В. п. мн. ч. типа скл. на **-jā* после *-ц-* в Строевском списке преобладает уже *-ы*, в «Слове» же встречаем: *и Половци сулицы своя повръгоща*, при отсутствии в В. п. мн. ч. основ на **-jā* *-ц-ы-*.

При критике словоформы *прикръвены*, ожидаемой в XII в. вместо *прикрыты* [Дмитриев, 1960, с. 332], берутся примеры с другими приставками. Мы замечаем даже дополнительное распределение: *при-* для *-в-ен-* и *по-*, *от-* — для *-т-*; для приставки *съ-* возможны оба варианта страдательных причастий прош. времени. «Такова цена деклараций» в самой книге «о том, что было и чего не было в древнерусском языке XII века» [Зализняк-1, с. 332]. Примеры, действительно, ценные, но молчаливо признается, что приставка не играет никакой роли.

Материалы А. А. Зализняка *Хинове* (И-1) и *Хиновя* (У) в Задонщине против *Хинова* в «Слове» прямо свидетельствуют в пользу версии «после Задонщины». Сказано прямо: «Трактовка *Хинова* как замены для *Хинове*...» [Зализняк-1, с. 333], то есть более раннее в «Задонщине» заменено на более позднее в «Слове».

Что касается глагола *стонати*, то его формы и без приставок появляются в XV в., к тому же в тексте, связанном с СоПИ, ср. по НКРЯ: «И в то врѣмя, братѣ, земля *стонеть* велми, грозу велику подаваючи на востокъ нолны до моря, а на запад до Дунаа, великое же то поле Куликово прегигающеся, рѣкы же выступаху из мѣсть своихъ, яко николиже быти толиким людем на мѣсть томъ». [Сказание о Мамаевом побоище (1400–1425)] Мы полагаем, что здесь

прав А. А. Зализняк, а не Р. Айтцетмюллер. Все-таки нельзя исключать не только того, что морфологическое оформление глагола «просто принадлежало оригиналу», но и того, что оно сложено по образцу «Сказания о Мамаевом побоище». Ошибки *Русской земли, стонуту* принадлежат, действительно, Р. Айтцетмюллеру.

Разночтения 1560-х гг. = сер. XVII в. *великаа врата каменаа = великия врата каменные, котори их = которьи их, котории = которые* [Зализняк-1, с. 340] показывают естественное движение к церковно-славянской и современной русской (гражданской) норме. Их можно использовать и как аргумент в пользу «после Задонщины», ведь окончания *-ья* и *-ьи* типичны для СоПИ, а это инновации для сер. XVII в. — времени кодификации церковно-славянской нормы.

В рассуждении о *приламат* [Зализняк-1, с. 341] вновь игнорируется приставка. Приставка *при-* — особое изобразительное средство в «Слове»: *прикрыти, прикрывають, прихождаху, притрепetail (и притрепа, притрепань), притопта, припъшали, пригвоздити* и даже имя *припъвка*.

Итак, назвать «ошибочными» все аргументы Айтцетмюллера никак невозможно. Их необходимо дорабатывать, это правда, но сама эта доработка не способствует их опровержению.

3.3. Работа М. Хендлера о глаголах в «Слове»

Анализируя работу М. Хендлера о глаголах [Hendler, 1977], А. А. Зализняк вновь называет «Слово» в интерпретации М. Хендлера «подделкой» — фальсификатом. Приходится категорически возражать против объединения точек зрения подделки и художественно-научной реконструкции. Считаем, что в случае версии позднего происхождения «Слова» следует говорить не о подделке древнего памятника (такого памятника просто не было), а о высокохудожественном произведении XVIII в. на древнерусском языке.

В своей работе об употреблении глагола в «Слове» М. Хендлер не поясняет, имеет ли он в виду под «Дательным с инфинитивом» также и независимый инфинитив *Игорева храброго плъку не крѣсити* (никому). Это недостаток, но не ошибка. Договорную грамоту Юр. С Мих. Яр. И Новг. 1318 г. (*А гости всякому гостити безъ рубежа, а ворота ти отворити, а хлеб ти пустити*) Хендлер переводит как *Aber Gäste sind gänzlich ohne Maß zu Besuch, und deine Türen stehen offen, und dein Brot verläuft (verschwindet)*. Немецкий глагол *verlaufen* имеет значение 'расходиться, рассеиваться'. В скобках дано толкование: 'исчезать'. А. А. Зализняк дает перевод древнерусского предложения: «А хлеб ты должен разрешить вывозить», — и противопоставляет его своему же, как ему кажется, правильному переводу немецкой фразы: «А твой хлеб кончается, пропадает». Получается нечто вроде игры в «испорченный телефон»: по смыслу передается древнерусский текст современными русскими средствами вполне приемлемо, так же приемлемо — по-немецки, но потом в этот немецкий текст вкладывается иное содержание, и оно-то выдается за его смысл, будто бы уже не совпадающий с древнерусским, а потому ошибочный. «Разрешить вывозить» хлеб как раз и означает, что он будет расходиться. Идеи «прекращаться, кончаться» в немецкой фразе нет. Древнерусский контекст понят верно. Смысл приводимого Хендлером фрагмента грамоты в том, чтобы показать, что в «Слове» в случае *Грозы твоя*

по землямъ текутъ; *оттворяеши Киеву врата* выделенный приставочный глагол с многократным значением, прочно занявший позицию современной грамемы русского несовершенного вида на завершающей стадии формирования этой новой глагольной категории, не мог образоваться до XVIII века. Эту же идею выразили бы формой довидовой **отвориши*, как в 1318 году.

Более того, смеем предположить, что, как это ни парадоксально, современный немец гораздо лучше понимает древний русский глагол, нежели современный русский (но только глагол!). У нас в последние шесть веков стремительно развивается новая категория русского глагольного вида, затрагивающая нашу ментальность, и мы уже невольно переносим новое состояние дел на древнейшие эпохи. Немецкие коллеги этой помехи лишены и способны «ставить эксперимент» более чисто.

Так, по нашему мнению, критика А. А. Зализняком с помощью словаря В. И. Даля разбора глагола *припгшиать* в статье Р. Хендлера достигает цели Хендлера еще более эффективно, чем это удастся самому немецкому ученому. Если даже производный приставочный глагол с бывшим итеративным суффиксом *-а-* считается глаголом совершенного вида, то в древности и даже накануне XVIII века он возникнуть не мог. Вся конфиксальная модель *о-...-а-плохой — оплошать, нищий — обнищать, пеший — опешать* (*опешить* только фонетически можно оправдать как вторичный вариант, морфологически это первичный вариант), можно сказать, складывается на наших глазах. Но что касается модели **пеший — припешать*, то она, как кажется, «сложилась» только вokkaционализме СоПИ.

Полагаем, что в императиве *седлай* Хендлер совершенно справедливо увидел инновацию, которая, однако, уже имеется в Задонщине. Образование глагола *оседлати* связано со сложением конфиксальной модели *седло — о-седл-а-ти*, поэтому лексема *седлати* появилась в языке позже и по другой модели. Следовательно, не только механическое отсутствие в древних текстах, но и отыменное глагольное словообразование противоречит глубокой древности глагола *седлати*.

Мы считаем также неубедительным следующее утверждение: «Но автор статьи [Р. Хендлер] не чувствует той разницы, что немаркированное (так!?) *оседлай коней* выражает лишь желание говорящего, чтобы кони были оседланы, а *седлай коней* — это приглашение начать собираться в поход» [Зализняк-1, с. 309]. Здесь слишком «однозначно» и неисторично описана прагматика употребления русских императивов, которая быстро меняется в зависимости от времени и обстановки произнесения. С оттенком приглашения в современном русском языке употребляются императивы от глаголов несов. вида: *проходите, садитесь, кушайте на здоровье!* Приглашение соответствует (или пытается соответствовать) желанию слушающего. Такая прагматика развилась со временем, поскольку традиционные военные команды *Седлай коней! Пли! Ложись!* — это не приглашения, и их обязательность исполнения выражается переносом не по виду, а по числу — единственному на множественное. Сейчас они остаются изолированными фразеологическими структурами. Императив совершенного вида, напротив, обозначает решительную просьбу, часто не соответствующую субъективному желанию слушающего: *заплатите налоги, сдайте экзамен, откройте рот* (у зубного врача)! и т. п. «Желание» говорящего немаркированной когда-то в дописьменные времена

бесприставочной формой, действительно, выражалось раннепраславянским опплативом, из которого и произошло современное повелительное наклонение. В случае оценки значения формы *оседлай* как желания не выполняется требование полихронического метода не допускать смешения временных пластов. Прием применения функциональной (прагматической) характеристики дописьменной эпохи к новейшим формам можно назвать «ахроническим», не предусмотренным В. К. Журавлевым в его классификации подходов к языку. Этот подход еще дальше от диахронического, учитывающего фактор времени и фактор причинности, чем полихронический, условно учитывающий фактор времени и не учитывающий, по В. К. Журавлеву, фактор причинности.

На с. 310 разбирается глагол *ступаеть* в контексте *Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плѣци Олговы, Ольга Святъславличя. Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли стѣяше. Ступаеть въ златъ стремя въ градъ Тьмутороканъ*. Глагол появляется после двух имперфектов, следовательно, имеет значение настоящего исторического однократного. Хендлеру предъявляется претензия, что у него нет никакого «реального материала». НКРЯ в среднерусском подкорпусе по запросам «*ступаеть*», «*ступаеть*» ничего не дает. По запросу «*ступати*» подкорпус дает четыре примера с многократным значением, что показывает правоту немецкого ученого и невозможность обнаружить даже в XV–XVII вв. процессуального значения.

Обильный материал древнейших приставочных глаголов на *-ива-/-ыва-ва-* [Зализняк-1, с. 312–314] показывает, что все приведенные производные глаголы развили переходность (кроме *приеждивахуть* и, возможно, *управливаше*), либо, в случае употребления с частицей *ся*, стали в силу этого непереходными. Налицо зависимость внешней синтаксической формы от внутреннего характера основы: новые основы на *—ива-/-ыва-* способствуют развитию переходности, следовательно, непереходный глагол *посвъчивая*, действительно, не может быть древним. Такой лексемы нет ни в словарях, ни в НКРЯ.

Мы не нашли на с. 129 статьи Хендлера наречия ‘только’, которое ему приписывается: «Утверждение Хендлера, что СПИ сближается только с агиографическими произведениями, полностью провалилось» [Зализняк-1, с. 316]. Представим, что «провалилось» в приведенной цитате слово «только». Она теряет всякий смысл. Теряет смысл и аннулирование выводов Хендлера.

Даже в лексикализованных случаях *хотя, зря, молвя, милостыню творя* позднейшие переписчики иногда вновь согласуют эти причастия по мн. ч. [Зализняк-1, с. 317]. Этого обстоятельства совершенно недостаточно, чтобы опровергнуть наблюдения Хендлера (и многих других ученых до него) о современной системе деепричастий в «Слове». Рассуждение о *молвя* и *звоня* отклоняется принципом «обратное неверно». Архаические примеры, совпадающие по модели образования с новейшими, вне системы утрачивают свою ценность.

Полемика о старославянском имперфекте [Зализняк-1, с. 319–320] становится совершенно непонятной ввиду главенствовавшего до недавнего времени в науке об истории русского языка мнения, что имперфект либо очень рано (к XII веку) исчез из русского языка, либо вообще в нем не появлялся, тогда как в старославянском и южнославянских языках он хорошо развился.

Впрочем, такая новая постановка вопроса не может не радовать, и Хендлера можно было бы попрекнуть только в слишком доверчивом отношении к литературе об истории простых прошедших времен в русском языке. Ошибается он, действительно, и в прямом переносе числа объектов действия (внешняя характеристика) на его кратность (внутренняя характеристика).

Сдвиг замены пары *меркнути*: *мерцати* на *померкнути* : *меркнути* в более древнее время принципиально оценку становления видового противопоставления в русском языке не меняет. Приводятся только ранние примеры на замену *меркнути* ← *померкнути* (первый шаг сдвига пары), но совершенно не приводятся пары на замену *мерцати* ← *меркнути* или хотя бы употребление *меркнути* в имперфективном значении, как в «Слове». Хендлер остается непровергнутым. К контексту с глаголом *мьркнути* в «Слове» имеется параллель в одной из военных од уже упоминавшегося нами стихотворца Екатерины II В. П. Петрова: «Вдругъ громъ ужасный умолкаетъ, // Печальна тихость настаетъ, // Мгла градъ и Россовъ оболкаетъ, // Осадѣ ужась придаеть» (Ода «На взятие Измаила. Декабря 11 дня 1790 года» [Петров, 1811, ч. I, с. 77]). — Ср. в «Слове»: «Дльго. Ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала, мьгла поля покрыла» [Дмитриев, 1960, с. 259]. Если считать, что и у В. П. Петрова, и в «Слове» описано наступление ночи после первого дня битвы (а не рассвет), то и там, и там видно использование так называемого исторического презенса (*Praesens historicum*) от глаголов несов. вида, что придает рассказу о сражении иллюзию участия песнопевца в описываемых им событиях, делает из поэта воображаемого очевидца описываемых событий. Однако в «Слове» при описании наступления ночной мглы парадоксальным образом используется самая простая русская лексика, в то время как В. Петров, работая в другом жанре, в соответствии с высоким стилем оды, употребляет более архаическую по происхождению лексику — церковнославянизмы *градъ*, *Россы*, *оболкать*. Вместо последнего, действительно итеративного архаического глагола, употреблен глагол несов. вида *меркнути* в таком же временном значении. Тут как раз происходит описанное К. Тростом изгнание (*Zurückdrängung*) из «Слова» церковнославянизмов, которые так любит В. П. Петров и которые так не любит и по возможности отторгает Н. М. Карамзин в своих ранних произведениях. Этот пример показывает, что версия немецких коллег нуждается в существенной корректировке после сопоставления с более широким кругом литературных произведений XVIII в.

3.4. Вместо заключения

Языковой материал обладает тем свойством, что сам по себе, помимо воли участников полемики, поддерживает одного из них. Поэтому возможно более полный перечень примеров не только желателен, но и необходим в случае столкновения точек зрения. К счастью, эта необходимость в данном случае соблюдена, и это делает книгу А. А. Зализняка очень полезной и плодотворной для дальнейших разысканий не только в отношении частного вопроса о «Слове», но и в отношении методов русского исторического языкознания.

Итак, книга А. А. Зализняка — это новый поворот в изучении «Слова о полку Игореве». Она призывает рассматривать вопрос о времени происхождения этого произведения беспристрастно, формулирует две позиции: «до Задонщины» и «после Задонщины». Развивается первая версия. По-

лихронический анализ морфологических форм и позиций слов (частиц) в предложении приводит к подтверждению заявленной Мусиным-Пушкиным датировки публикуемого произведения. Но привлечение функционально-семантических характеристик, учет лексико-стилистических и словообразовательных ограничений известных исторических процессов в морфологии, культурно-символических и образных особенностей «Слова», наконец, сопоставление с литературным фоном второй половины XVIII в., диахронический метод и последовательный полный историко-языковедческий подход позволяют развивать и версию «после Задонщины». К сожалению, в книге А. А. Зализняка встречаются лишь недокументированные предположения (а не доказательства) существования форм ранее их фиксации памятниками письменности или современными говорами или приводятся приблизительно такие же формы, но с другими приставками, или другие морфологические формы и т. п., а вполне реальные доводы зарубежных коллег не всегда обоснованно отклоняются.

Несмотря на ряд принципиальных возражений, возникающих при знакомстве с книгой А. А. Зализняка, мы согласны в главном: невозможно исходить из якобы известного утверждения, что «Слово» написано в XII веке. Такое исходное утверждение ошибочно. Необходимо рассматривать обе точки зрения. И если до конца XX в. мощной силой, стимулирующей развитие русского исторического языкознания была гипотеза «до Задонщины», то сейчас, особенно в связи с быстрым компьютерным поиском больших массивов эмпирического материала, своеобразным катализатором будущих лингвистических исследований становится гипотеза «после Задонщины».

Мысль, высказанная в заключение статьи Айтцетмюллера об иррациональности веры (см. выше), не нова. В более грубой и доходчивой форме она выражена нашим прославленным историком: «Басни правость потемняют» [Татищев, 1962–1968, т. I, с. 81]. Если, не разобрав более тщательно и научно-критически не опровергнув труды наших зарубежных коллег, мы будем настаивать на приятной нам иллюзии, отечественное русское историческое языкознание сильно пострадает и перестанет развиваться в свободной атмосфере состязательности школ и направлений. Вопрос о текстологических сближениях «Слова» с произведениями 1780–1790-х гг., так же как и вопрос о времени происхождения текста этого, без сомнения, величайшего произведения русской словесности, остается открытым и требует дальнейшего исследования самыми разнообразными лингвистическими, филологическими и историческими методами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Aitzetmüller R.* Zum Nominalgebrauch im Igorlied // *Anzeiger für slavische Philologie*, XXI. 1992. S. 109–117.
2. *Breillard 2006.* Breillard J. Zaliznjak Andrej Anatol'evič, Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста, Moskva, Jazyki slavjanskoj kul'tury (Studia philologica, series minor), 2004, 352 pages // *Revue des études slaves*, 2006, vol. 77, № 77–1–2. P. 288–293.
3. *Florine ou la belle Italienne.* Nouveau Conte de Fées. Paris, 1713.
4. *Hendler M.* Verbalgebrauch im Igorlied // *Anzeiger für slavische Philologie*. IX/1. 1977. S. 103–159.
5. *Léger L.* La Mythologie slave. Paris, 1901.

6. *Mazon A.* Le Slovo d'Igor: le sujet et le cadre; le modèle principal // *Revue des études slaves*, 1938, vol. 18, № 3-4. P. 163-213.

7. *Moser M.* Sind der "Relativisator" to und die Syntax anderer Enklitika als klare Beweise für die Authentizität des Igorlieds zu werten? // *Studia Slavica Hung.* 50/3-4 (2005). S. 267-282.

8. *Trost K.* Zur literarischen Polemik im Igorlied und im Karamzins Il'ja Muromec (unter Berücksichtigung der Zadonščina). Ein Beitrag zur Frage einer Igorlied-Autorschaft N. M. Karamzins // *Festschrift für Linda Sadnik zum 70. Geburtstag*. Freibzrg i. Br., 1981 [= *Monumenta linguae slavicae dialecti veteris*. T. XV].

9. *Trost K.* Entwicklung und Stand der Kontroverse um die Echtheit des Igorliedes. Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft. // *Slavica Aenipontana* 3. Innsbruck, 1980.

10. *Trost K.* Karamzin und das Igorlied. Ein Beitrag zur Kontroverse um die Echtheit des Igorlieds // *Anzeiger für Slavische Philologie* VII, 1974, S. 128-145.

11. *Unbegaun B.* Les Rusiči / Rusici du Slovo d'Igor // *Revue des études slaves*. V. XVIII. P., 1938. P. 79-80.

12. *Wackernagel J.* Über ein Gesetz der Indogermanischen Wortstellung // *Indogermanische Forschungen*, I, 1892. S. 333-436.

13. *Бобров А. Г.* Заколдованный круг (о книге А. А. Зимина «Слово о полку Игореве») // *Русская литература*. 2008, №3. С. 65-118.

14. *Бобров А. Г.* Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский // *Acta Slavica Iaponica*. Sapporo, 2005. Т. 22. P. 238-298.

15. *Виноградов В. В.* История русского литературного языка в изображении академика А. А. Шахматова // *Filološki pregled*. Кнј. 2, sv. 3-4. Beograd, 1964. С. 65-88 (перепечатано в книге: Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 216-236).

16. *Власов С. В.* Некоторые материалы к опыту сравнительного анализа военных образов в «Слове о полку Игореве» и в оде В. П. Петрова «На взятие Измаила» (1790) // *Язык и социальная динамика. Материалы Всероссийской Научно-практической конференции с международным участием (2014 г., Красноярск)*. Красноярск, 2014. — в печати.

17. *Власов С. В., Демидов Д. Г.* О соотношении Екатерининской копии «Слова о полку Игореве» и других сопутствующих материалов из архива Екатерины II // *Русская историческая лексикология и лексикография*, вып. 9. СПб.: изд-во Филологического факультета СПбГУ. — в печати.

18. *Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого* / Сост. Е. А. Кузьмина. М., 2000.

19. *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве». М.-Л., 1960.

20. *Евгений*, митрополит (Болховитинов). Письмо к К. Ф. Калайдовичу от 18 января 1814 г. // *Сын Отечества*. Т. 8. СПб., 1839. Раздел VI. Известия и смесь.

21. *Екатерина II.* Записки касательно Российской Истории // *Собеседник любителей русского слова*. Часть 12. СПб., 1783. (Екатерина II — 1)

22. *Екатерина II.* Подражание Шакеспиру. Историческое представление [...] изъ жизни Рюрика. Вновь изданное съ примъчаниями Генераль Маіора И. Болтина. СПб., 1792. (Екатерина II — 2)

23. *Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд. М., 2008. (Зализняк-1).

24. *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М., 2008. (Зализняк-2).

25. *Зимин А. А.* Слово о полку Игореве. СПб., 2006.

26. *Ипатьевская летопись*: [Электронный ресурс] URL: <http://krotov.info/acts/12/pvl/ipat01.htm> (Дата обращения: 15 окт. 2013 г.). (Ип. Л.)

27. *Кисиллер М. Л.* Закон Ваккернагеля в позднем койне (На материале «Луга духовного» Иоанна Мосха) // *Язык и речевая деятельность*, № 6 (2003) 2006. С. 122-140.

28. Козлов В. П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». М., 1988.
29. Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка. СПб., 2009.
30. Лихачев Д. С. История подготовки текста «Слова о полку Игореве» к печати в конце XVIII в. // «Слово о полку Игореве и культура его времени. Л., 1978 [1-е изд. Статьи — ТОДРЛ, т. XIII. Л., 1957]. С. 237-277.
31. Моисеева Г. Н. «Слово о полку Игореве» и Екатерина II // XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993. С. 3–30.
32. Момина М. А. О приставочных и бесприставочных вариантах в переводном тексте традиционного содержания // Проблемы исторического языкознания. Вып. 2. История русского языка. Среднерусский период. Л., 1982. С. 111-124.
33. Мусин-Пушкин А. И. Письмо к К. Ф. Калайдовичу от 18 января 1814 г. // РНБ, ф. 588 (Погодинские автографы), № 278, л. 5–6.
34. Олядыкова Л. Б., Бурькин А. А. «Слово о полку Игореве»: Современные проблемы филологического изучения. Исследования и статьи. Реконструкция древнерусского текста, перевод, комментарии. Элиста, 2012.
35. Пекарский П. П. Слово о полку Игореве по списку, найденному между бумагами императрицы Екатерины II // Записки Императорской Академии Наук. Том пятый. Приложение № 2. СПб., 1864.
36. Петерсон М. Н. Синтаксис «Слова о полку Игореве» // *Slavia. Časopis slovanskou filologii. Ročník XIV. Sešit 4.* С. 5476–592.
37. Петров В. П. Сочинения. Часть I–III. Издание второе. СПб., 1811.
38. Прохоров Г. М. Снова подозревается Карамзин: (Еще одна гипотеза об авторе «Слова о полку Игореве») // Русская литература. 1975. № 3. С. 235–239.
39. Симони П. К. Текст Слова о полку Игореве по списку, хранящемуся в бумагах Имп. Екатерины II в Ст.-Петербур. Госуд. Архиве Мин. Ин. Дел, с присовокуплением различных сведений о Переводе, Примечаниях и Содержании Слова, к нему присоединенных // Древности Моск. Археол. Об-ва. М., 1890. Т. 13. С. 16–46.
40. Ситовский В. В. Очерки из истории русского романа. Том I, выпуск 2-й (XVIII век). СПб., 1910.
41. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Вып. 1–6. Л., 1965–1984.
42. Сравнительный Словарь всъхъ языковъ и нарѣчій, по азбучному порядку расположенный. Часть I–IV. СПб., тип. Брейткопфа, 1790 — 1791. [В первом издании словарь имел другую структуру и несколько другое название: «Сравнительные Словари всъхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею Всевысочайшей Особы». Часть I–II. СПб., тип. Шнора, 1787 (часть I) – 1789 (часть II)].
43. Стефан Яворский «Слово в Неделю осмуонадесять по Святомъ Дусѣ» // митр. Стефан Яворский Проповеди. ЧЧ. 1–3. М., 1804-1805. Ч. 2. М., 1804. С. 77–95.
44. Татищев В. Н. История Российская. ТТ. I–VII. М.-Л., 1962–1968.
45. Тот И. Х. К функции падежных флексий имен существительных —а/-ја-основ (на материале Псковских летописей) // Проблемы исторического языкознания. Вып. 2. История русского языка. Среднерусский период. Л., 1982. С. 79–103.
46. Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 1–5. СПб., 1995.
47. Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.

Поступила в редакцию 15.07.2014